

Сотскова Татьяна

Он - разведенка
с прицепом

Сотскова Татьяна

Он - разведенка с прицепом

<https://litres.ru/74227423>

Аннотация

Развелась с мужем? Отлично! Самое время провалиться в другой мир!

Новый мир оказался так себе: магия есть у всех, кроме меня. Билеты до Земли стоят бешено, и помощи нет! А еще все эти духи, которые не помогают, а только мешают в работе. К ним нужен особый подход!

И что делать? Работать, конечно. Билеты домой за воздух не купишь.

Мое последнее приобретение — должность няни у самого отчаявшегося эльфа на свете. Одинокий папаша с дочкой-катастрофой. Разведенка с прицепом, проще говоря.

Правила просты: не сойти с ума, не влюбиться в ушастого начальника и с помощью земной логики и пары крепких словечек доказать этому миру, что даже человек с Земли и без капли магии заслуживает своего счастливого конца.

♥# Очень прошу писать комментарии, это дает сил моему Музу, и мне приходит вдохновение)

♥# Если нравится - ставьте лайки)

♥# Книга позитивная, 16+

#попаданка в магический мир после развода

#отец одиночка, эльф

#милая и очаровательная, но очень энергичная малышка

#красивый мир и красивая пара

Содержание

Визуализация.	5
Глава 1.	6
Глава 2	21
Глава 3	44
Глава 4	62
Глава 5	76
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Визуализация.

Автор: Сотскова Татьяна

Книга: Он - разведенка с прицепом.

Аннотация:

Развелась с мужем? Отлично! Самое время провалиться в другой мир!

Новый мир оказался так себе: магия есть у всех, кроме меня. Билеты до Земли стоят бешено, и помощи нет! А еще все эти духи, которые не помогают, а только мешают в работе. К ним нужен особый подход!

И что делать? Работать, конечно. Билеты домой за воздух не купишь.

Мое последнее приобретение — должность няни у самого отчаявшегося эльфа на свете. Одинокий папаша с дочкой-катастрофой. Разведенка с прицепом, проще говоря.

Правила просты: не сойти с ума, не влюбиться в ушастого начальника и с помощью земной логики и пары крепких словечек доказать этому миру, что даже человек с Земли и без капли магии заслуживает своего счастливого конца.

Проды раз в 3-4 дня!

Пожалуйста, напишите, нравится ли вам, когда в книге есть визуализация, и стоит ли ее добавлять?

Глава 1.

Я села не в тот поезд. И дело было не в ошибке на табло или перепутанных платформах. Нет. Я села в первый подошедший состав, потому что мне было плевать, куда ехать. Лишь бы подальше. Подальше от него, от этих стен, впитавших наши ссоры и ложь, от всего, что еще вчера я называла жизнью.

Перрон встретил меня ледяным дыханием. Пахло дождём, так и не пролившимся, бензином и тоскливым одиночеством. Было холодно — не по-весеннему, а по-разведенному. Как будто сама вселенная решила подыграть моему внутреннему состоянию, вывернув меня наизнанку. Я стояла, вцепившись в ручку чемодана, прижимая его к груди, как тонущий хватается за соломинку. Внутри — ничто. Ни злости, ни слез. Просто тишина. Как будто кто-то безжалостно выдернул вилку из розетки, и моя душа разом погасла.

Три года. Целая жизнь, построенная на песке. Я выстраивала наш быт: уют в квартире, ужины при свечах, бесконечные списки покупок, планы на отпуск у моря. Я уже представляла, как в детской зазвучит смех. Я ждала его с работы, заглушая собственную усталость, готовила его любимые блюда, а заодно и обеды с собой. А он в это время думал, что я — холодная. Холодная! Та, что согревала его дом своим теплом.

А она... Та самая, с которой мы проливали литры вина на кухне, плакали в три ручья из-за первых неудач в любви, шептались до рассвета, доверяя самые потаенные мысли. Та, кому я открыла душу. И она, глядя мне в глаза, сказала:

«Прости. Я не могу бороться с чувствами».

Предательство возведено в ранг высокой страсти. Измена облачена в тогу романтической безысходности. Очень, блин, удобно для них обоих!

Я подала на развод. Отказалась от всего, что было «нашим». От квартиры, которую он, по сути, и купил. Я не тянула ипотеку, лишь исправно платила за коммуналку — из гордости, из жалкой попытки доказать, что я не нахлебница, что и мой вклад в этот дом что-то значит.

Я ушла налегке. Взяла только то, что было безоговорочно моим: пару мешков с одеждой, купленной на свои деньги, косметику, телефон, зарядку. И старого плюшевого медвежонка, которого мне в далеком детстве подарил папа. Он один не предавал.

После суда мир опустел. Мама, конечно, знала всё. Голос в трубке звучал жалостливо и гневно:

«Приезжай, дочка. Мы этого козла Веню так...! И эта стерва, которая подругой прикидывалась...».

Но мама — это мама. Ей нельзя рассказать, как на самом деле разрывается душа, как хочется выть от бессилия и сжечь все дотла. Ее поддержка — другая, она из мира, где все проблемы решаются чаем с пирожками.

Я купила билет до Костромы. В бабушкин дом, с покосившимся крыльцом, где я в детстве пила какао, глядя на звезды. Место, где можно было сбросить кожу взрослой, уставшей женщины и снова стать просто девочкой.

Что делать дальше — не представляла. В голове — шум, белый шум отчаяния. Подруги, которой можно было бы выплакаться, больше не существовало. Я опустилась на холодную скамейку. Телефон агонизировал, показывая жалкие 7%. Самоистязания ради, я открыла нашу переписку. Самое последнее сообщение от него, отправленное уже после заседания суда:

«Лиза, мне жаль».

Всего три слова. Три слова, которые должны были стереть три года жизни. Словно это волшебное заклинание, после которого я должна воскликнуть:

«А, ну раз ему жаль, тогда ладно! Прощаю! Забудем!» и пойти печь блины.

Мне тридцать. В этом возрасте предательство бьет иначе, не как в юности. Мир не рухнул, я это понимаю. Я выживу, я буду счастлива, я поднимусь. Но мне тридцать! А это значит, что тикают уже не школьные часы, а биологические. Я так хотела детей. Верного мужа. Простого, такого наивного женского счастья.

Были темные мысли. Жестокие. Хотелось отомстить. Разделить эту проклятую квартиру и продать свою долю первым встречным алкоголикам. Оставить анонимку на работе,

устроить показательный скандал на весь район... О, у меня был целый арсенал мести!

Но я сдержалась. Потому что опускаться до их уровня — значит стать такой же. Просто уехать. Вдохнуть полной грудью воздух, не отравленный его присутствием. Начать все с чистого листа. Выпить — да, не какао, как в детстве, а крепкого, терпкого вина, чтобы уснуть.

Я резко закрыла телефон, словно обожглась. В этот момент по перрону, с грохотом разрывая сырой воздух, прополз состав. Он выглядел странно — старомодный, темно-бордового цвета, с матовыми, почти непрозрачными стеклами.

«Ну, — мелькнула мысль, — какая-нибудь ретро-акция РЖД».

Привлекают туристов. Моя рука сама потянулась к билету в Кострому, но ноги уже несли меня к открывающимся дверям этого призрачного поезда. Куда бы он ни шел — лишь бы вперед. Лишь бы прочь.

Поезд был не просто старым. Он был старинным. Деревянные борта, отполированные временем до бархатного блеска, витые ручки на дверях, похожие на застывшие вьюны плюща. Окна, излучавшие изнутри теплый, медовый свет, будто в каждом горел не электрический фонарь, а настоящая свеча. На борту мелькнула изящная золотая вязь, но я не успела ее разобрать — поезд прошел слишком плавно и бесшумно.

— Последний рейс, мадам, — раздался у моего плеча голос.

Проводник. Но он выглядел так, будто сошел с витрины музея: форменная тужурка с блестящими пуговицами, шляпа-котелок с крошечным павлиньим пером, наглаженные до идеальных стрелок брюки. «Реконструкторы», — мелькнула в голове спасительная, рациональная мысль. — Садитесь, пока состав не ушел.

— Мне нужно до Костромы... — начала я, но мой голос потонул в странном, мелодичном гудке. Он не ревел, а пел — низкий, вибрирующий звук, похожий на звук гигантской камертоны. Рука сама потянулась к телефону с билетом, но ноги уже сделали шаг вперед, подчиняясь какому-то древнему инстинкту бегства.

— Вы заходите? — его вопрос повис в воздухе, не требующий ответа.

Я кивнула, и тяжелая дверь с медной фурнитурой отворилась сама, без скрипа, приглашая меня внутрь.

Тишина. Это было первое, что обрушилось на меня. Ни гула моторов, ни привычного постукивания колес, ни приглушенного гула голосов. Абсолютная, звенящая тишина, как в соборе. И запах... Пахло сухими осенними листьями, корицей, воском и старой, мудрой бумагой. Как в бабушкином чердаке, где хранились вещи, помнившие другую эпоху. И в вагоне не было ни души.

Я опустилась на ближайшее сиденье, обитое выцветшим,

но благородным бархатом. Чемодан поставила рядом, как единственного спутника. Телефон на коленях хрипло пискнул — 1%. На экране красовался безрадостный значок: «Нет сигнала». Я горько усмехнулась.

— Даже здесь. Даже по дороге в никуда нет связи, — прошептала я, обращаясь к мертвому гаджету.

Поезд тронулся. Не с толчка, а с невесомого скольжения, будто его подхватила и понесла невидимая река. Я не почувствовала ни вибрации, ни движения. Только за окном начали уплывать назад огни перрона, затем расплылись очертания зданий, и вдруг... земля ушла из-под колес. Совсем.

Я вжалась в кресло. Мы плыли сквозь бархатную тьму ночи, поднимаясь все выше. За стеклом проплывали облака, не белые и пушистые, а серебристые, призрачные, словно сотканые из лунного света. А выше — звезды. Они не холодно мигали, а переливались теплым, живым светом, будто каждая была крошечной каплей расплавленного золота.

Одна из них, самая дерзкая, сорвалась с небосвода и, оставив за собой искристый шлейф, пронеслась прямо мимо моего окна.

— Что за черт?! — я вскочила, прижав ладони к холодному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле, смешивая страх с восторгом. — Что это? Где я?

Телефон издал предсмертный хрип и погас. Экран превратился в черное безжизненное зеркало. Больше никаких сообщений от «него». Больше никакой связи с прошлой жиз-

нию. Ирония судьбы была столь совершенна, что даже паника на мгновение отступила, уступив место горькому изумлению.

Я снова села, пытаюсь дышать глубже.

«Это сон, — твердила я себе, сжимая виски. — Истерика. Нервный срыв. Все, что угодно, только не... это».

Я зажмурилась, считая до десяти. Раз-два-три... Я вижу внутренним взором его улыбку, такую неискреннюю теперь. Четыре-пять-шесть... Слышу ее сладкий, предательский голос. Семь-восемь-девять...

Я открыла глаза.

Облака. Звезды. Тишина.

Решимость найти хоть какое-то рациональное объяснение погнала меня по вагону. Я шла по мягкому ковру, вглядываясь в пустые купе. Никого. Только в самом конце вагона, в золоченой раме, висело овальное зеркало.

Я подошла к нему и замерла. Из глубины на меня смотрела я сама — бледная, с размазанной по щекам тушью, всклокоченным хвостом. И этот дурацкий шарф. Серый, с косой вязкой. Я вязала его долгими зимними вечерами, мечтая, как он будет согревать его. Символ моей слепой, наивной любви.

Рука сама потянулась к шее. Одним резким движением я сорвала его и швырнула на пол, в пыльную тень между сиденьями.

— На, — прошипела я. — Забирай. Мне ничего твоего не нужно.

Вернувшись к своему месту, я снова прильнула к окну. И вовремя. Внизу, в разрыве облаков, мелькнул огромный, величественный силуэт. Не птица, не самолет... Существо с гигантскими кожистыми крыльями, которое медленно и мощно взмахнуло ими, растворяясь в туманной дали.

И тут до меня наконец дошло. Это не кино. Не глюки. И уж точно не дорога в Кострому к маме.

Я сидела в поезде, следующем в неизвестность. И вместо леденящего ужаса, по телу разлилось странное, щекочущее спокойствие. Какая разница, куда мы едем? Главное — подальше. Подальше от него. И, похоже, мое желание было услышано вселенной куда более буквально, чем я могла предположить.

Я закрыла глаза, и на какое-то время уснула, ожидая прибытия в новое место, где бы оно ни было.

А в какой-то момент поезд наконец остановился, и я медленно пошла к выходу. Опасаясь того, куда могла попасть.

Дверь вагона мягко закрылась за моей спиной, и тишина волшебного поезда сменилась непривычным гулом. Я стояла на перроне, не в силах пошевелиться. Воздух был другим — густым, сладковатым, пахнущим спелыми фруктами, незнакомыми цветами и... озоном, будто после грозы.

— Элирия, мадам. Конечная, — его голос прозвучал как будто издалека.

Я медленно обернулась. Проводник все так же любезно улыбался, его шляпа с пером отбрасывала на песчаные пли-

ты пола странную тень.

— Это... где? — выдавила я, чувствуя, как почва уходит у меня из-под ног в самом прямом смысле. — Я еду в Кострому!

— О, простите, вы, наверное, впервые пользуетесь нашим «Маршрутом Пересечения», — его улыбка стала чуть шире, почти заговорщицкой. — Если Элирия — не ваш конечный пункт, а лишь пересадка, проследуйте, пожалуйста, на соседний межмировой вокзал. С вашим билетом вам помогут сориентироваться.

Внутри всё сжалось в ледяной ком. Межмировой вокзал? Я судорожно потянулась за телефоном, но пальцы наткнулись на холодный, безжизненный экран. Проклятие! Загуглить эту «Элирию» было бы хоть каким-то якорем в реальности.

На автомате я побрела по перрону из розоватого мрамора, пока не уперлась взглядом в деревянную табличку с затейливой резьбой:

«Добро пожаловать в Элирию! Врата между мирами».

Под ней зиял арочный проход, ведущий куда-то вовне. Вокзал. Надо найти вокзал. Это была единственная спасительная мысль. Я толкнула массивную дверь и замерла.

Меня охватил водоворот звуков и красок. Площадь, вымощенная сияющим камнем, кипела жизнью, но какой! Мимо спешили существа всех форм и размеров: высокие эльфы с серебристыми волосами, коренастые бородатые гномы,

звенели крыльями крошечные феи. Воздух был наполнен не только голосами, но и музыкой, доносящейся из ниоткуда. И прямо напротив, как маяк, висела вывеска «Межмировой Вокзал».

Я сделала шаг, потом другой, цепляясь взглядом за цель. Но путь мне преградила... лапа. Зеленая, покрытая изумрудной чешуей, с мощными когтями, аккуратно подпиленными.

Сердце упало куда-то в ботинки. Я медленно, с трудом перевела взгляд вверх, по кожаным крыльям, сложенным за спиной, по мускулистой шее, и остановилась на... морде. Самой настоящей драконьей морде с умными, золотистыми глазами, в которых читалось профессиональное терпение и легкая скука.

Мир поплыл. Я судорожно сглотнула, ожидая, что вот-вот рухну в обморок и очнусь в привычной, скучной и безопасной Кострому.

— Билет, мадам? — раздался низкий, бархатный бас, исходивший, без сомнения, из этой груди.

Мозг отказался обрабатывать информацию. Дракон. Говорит.

— Ч-что? — это был не вопрос, а скорее хриплое подтверждение того, что я не сошла с ума.

— Ваш билет, — он повторил, терпеливо, как учитель нерадивому ученику. В другой лапе он держал аристократический блокнот и перо. — Если вы намерены проследовать в другой мир, предъявите, пожалуйста, билет. Вы его приоб-

рели?

Я могла только бессмысленно покачать головой, ощущая себя полной идиоткой.

— А вы... простите, кто? — прошептала я, отступая на шаг.

— Я — проводник, — дракон тяжело вздохнул, и из его ноздрей вырвались два аккуратных клуба пара. — Если вас смущает моя раса, могу порекомендовать воздушные маршруты. Там драконов нет.

— Дра-дракон? — мой голос сорвался на писклявый фальцет. Ноги подкосились, и я мягко шлепнулась на теплую мостовую. — Живой?

— Нет, блин, надувной, для антуража, — в его голосе впервые прозвучало раздражение, и кончик массивного хвоста занервно забил по камням. — Конечно, живой! Иначе бы я здесь не стоял. Или вы из этих... охотников за чешуей?

— Я из тех, кто видит дракона впервые в жизни! — выпалила я, чувствуя, как воздуха снова не хватает.

Внезапно он наклонил свою огромную голову, его золотистые зрачки-щелки пристально всмотрелись в мое лицо. В его взгляде мелькнуло понимание.

— Землянка, что ли? — спросил он, и тон его смягчился.

Я смогла лишь кивнуть, пытаясь подняться. Колени не слушались. Дракон, к моему ужасу, мягко подsunул под локоть кончик своего хвоста, оказавшийся на удивление упругим и надежным, и помог мне встать.

— Не бойся, — он махнул лапой, словно отмахиваясь от моих страхов. — Мы тут не опасные. На «незаряженных» не охотимся. Но сама виновата — не тем поездом воспользовалась. Хочешь домой? Плати. За тебя этого никто делать не будет. Проезд через миры — удовольствие не из дешевых.

— А... сколько? — спросила я, уже автоматически, цепляясь за любую возможность вернуть контроль.

— Тысяча золотых монет, — огорошил он. — И не вздумай сунуть мне свои земные бумажки. Они тут городу не нужны. Кто станет менять макулатуру на чистое золото? А находишься ты, милая землянка, в мире Руннара. В городе-вратах Элирия. Понимаю, шок, отрицание, все стадии. Но предупреждаю: здесь обитает всё, что на твоей планете считается сказкой или кошмаром.

— Я хочу домой, — мой голос дрогнул, прозвучав как жалобный стон.

— Тогда заработай! — дракон фыркнул, и на этот раз из ноздрей вылетели искорки. — Работы — море. Магией владеешь? Нет? Я так и думал. Что ж, есть варианты и без магии. Видишь ту стену? — он кивнул в сторону здания вокзала, где висела огромная алебастровая доска, к которой то и дело прилипали и отлипали свитки с объявлениями. — Там ищи. И да, добро пожаловать в Элирию. Счастливо оставаться.

Он развернулся и ушел, его хвост метелкой прошелся по камням. Я осталась стоять одна, наконец разглядев детали: фонари светились не от огня или электричества, а от зато-

ченных внутри маленьких, трепещущих огоньков — пикси. А то, что я приняла за стайки птиц, оказалось почтой — письмами с сверкающими крылышками, которые целенаправленно летели в руки прохожим.

Итак. Волшебный мир. В прямом смысле. Что делать? Где спать? Что есть? Фраза «за тебя платить не будут» звучала в ушах железным колоколом. Значит, нужна работа.

Собрав остатки воли, я осмотрелась. Узкие, извилистые улочки убегали вверх. Дома с причудливыми черепичными крышами были увиты сияющими лианами. Дети на площади играли не в мяч, а гоняли ручные, смеющиеся облачка. Пожилой эльф попивал чай из парящей в воздухе фарфоровой чашки. Мимо прошла женщина с сумкой, из которой высунулась голова кота; кот мурлыкал, и из его пасти вырывались маленькие радужные пузыри.

— Ну что ж, — тихо сказала я самой себе. — Похоже, развод с мужем-козлом — далеко не самое невероятное событие этого дня.

Сделав глубокий вдох пахнущего магией воздуха, я шагнула вперед. Мой чемодан, набитый прошлым, покорно закрипел колесами позади. Бросить его рука не поднималась.

Я подошла к лавке у вокзала, где на прилавке лежали странные фрукты и местная пресса. Один свиток, похожий на газету, был озаглавлен: «Элирийские вести. Спецвыпуск для новоприбывших». Я взяла его. Бумага была живой и теплой на ощупь.

Мой взгляд упал на одно из объявлений, и я замерла, перечитав его трижды, чтобы удостовериться.

«Требуется няня.

Без магии — ПРИВЕТСТВУЕТСЯ! (Опыт с магией — плюс, но не критично).

Кандидат должен обладать: стальными нервами, бездонным терпением, умением не впадать в панику при виде парящих, самовозгорающихся или временно невидимых игрушек.

Обратиться к графу Кириану, Улица Лунного Света, 7.

Оплата — 50 золотых в месяц + полное содержание (проживание и питание).

Примечание: если вы боитесь, что ребёнок случайно превратит вас в желе или на время заставит говорить рифмами — эта вакансия не для вас».

«Без магии — приветствуется».

Слова горели в моем мозгу. Это был шанс. Не просто подработка, а крыша над головой и еда.

Я подняла глаза и окинула взглядом этот безумный, прекрасный город. Дракон-проводник с важным видом проверял билет у какого-то гнома. Письма-бабочки порхали над головами. И я вдруг поймала себя на улыбке.

— Ладно, — твердо сказала я, сжимая свиток в руке. — Похоже, я задержусь. Хотя бы до тех пор, пока не накоплю тысячу золотых. А это я, кажется, умею.

Я сунула объявление в карман, поправила хвост и уве-

ренно зашагала вперед — по направлению к Улице Лунного Света, 7. И к новой жизни, которую даже моё самое смелое воображение не могло бы придумать. Потому что чудеса — это не для тех, кто в них верит. Они для тех, кому некуда отступать. А у меня его не было. Оставалось только идти вперед.

Визуализация! Лиза)

Я села не в тот поезд. И дело было не в ошибке на табло или перепутанных платформах. Нет. Я села в первый подошедший состав, потому что мне было плевать, куда ехать. Лишь бы подальше. Подальше от него, от этих стен, впитавших наши ссоры и ложь, от всего, что еще вчера я называла жизнью.

Глава 2

Улица Лунного Света оказалась не просто красивой. Она была сюрреалистичной, словно нарисованной художником, находящимся под действием волшебных грибов. Дома стояли вразнобой, нарушая все законы физики и архитектуры: один врос в землю, как гигантский гриб, шляпка которого светилась мягким сиянием; другой тянулся к небу готической башней, на шпиле которой восседала сова в пенсне и что-то недовольно ворчала, листая книгу.

А дом номер семь? Он выглядел так, будто его строили из обломков других сказок, когда фантазия у строителей уже закончилась. Неприметный, сероватый, он весь был оплетен плющом, который по мере моего приближения тут же начал сам себя подстригать, торопливо отбрасывая отсохшие листья. На крыльце лежал самый обыкновенный коврик. Если не считать надписи, вышитой зловещей красной нитью: «Отойдите, я кусаюсь». Я решила не проверять, блефует он или нет, и аккуратно обошла его стороной.

Собрав всю свою решимость, я подняла руку, чтобы постучать. И тут же раздался возмущенный крик:

— Не входить! — пропищал тонкий, визгливый голосок. Это исходило от молоточка справа.

— Это не вход, это выход! — парировал второй, басистый и полный презрения, слева.

Мне стало даже немного обидно. Я ведь еще ничего не успела сделать!

— И выходи тише! — снова запищал первый. — А то всех разбудишь!

— Я иду на работу! — проревел второй, явно обращаясь не ко мне.

— А я сплю!

— Ты же дух дверного молотка! Ты не спишь!

— А я притворяюсь!

Пока они препирались, дверь с глухим стоном распахнулась, и на пороге возник он. Высокий, почти источающий ауру хронического недосыпа. Серебристые волосы, собранные в неопрятный хвост, торчали в разные стороны, будто над ними поработал не парикмахер, а мини-торнадо. И да, уши. Заостренные, изящные, как и положено эльфу. Я впервые видела настоящего эльфа, и мне потребовалась секунда, чтобы мысленно собрать свою челюсть с пола.

На вид ему было лет тридцать пять — по эльфийским меркам, вероятно, просто юноша. Его рубашка была испачкана пятном загадочного фиолетового происхождения. Но больше всего выдавали его состояние глаза — глубокие тени под ними и выражение бесконечной, накопленной за столетия усталости. Он смотрел на меня так, будто я была очередной проблемой, упавшей на его голову с небес.

— Вы... по объявлению? — спросил он, и в его голосе прозвучала безразличная покорность судьбе.

— Да. Меня зовут Елизавета. Можно просто Лиза.

— Граф Кириан, — он коротко кивнул и шагнул назад, пропуская меня. — Проходите. Только, умоляю, не трогайте левую вазу. Она в глубокой депрессии после того, как один наглый оценщик заявил, что она «просто посуда, а не произведение искусства». Боюсь, если ее тронуть, она решит, что жизнь не имеет смысла, и разобьется о пол в знак протеста.

Я кивнула, стараясь сохранить серьезное выражение лица, и переступила порог. А у самой в голове была небольшая истерика:

«Серьезно? Ваза, которая в депрессии? Такое вообще бывает? Или в этом мире все предметы живые?»

Внутри дом представлял собой идеально сбалансированный хаос. Сразу было видно, что здесь живут двое: взрослый, который махнул на все рукой, и ребенок, для которого слово «порядок» было пустым звуком.

По полу с громким стуком пронеслась книга в кожаном переплете, больно ударив меня по ноге.

— Ай! — я непроизвольно вскрикнула, хватая себя за голень.

— Ой, простите! — бросила она через плечо и, листая страницы, как ногами, юркнула в темный проем между шкафами.

На полках лежала пыль, которая, как мне показалось, тихонько посапывала. На столе одинокая кружка с надписью «Лучшему папе» с громким чавканьем пила собственное со-

держимое. А на диване свернулся калачиком плед и подрагивал, словно переживая недавний стресс.

— Садитесь, — Кириан указал на кресло, с которого на пол тут же сползла уставшая и явно потрепанная ребенком декоративная подушка.

Он устроился напротив, достал пергамент и с видом следователя, ведущего допрос, уставился на меня.

— Итак. Опыт работы с детьми?

— Я работала в детском саду. Лет десять назад, еще на Земле, — честно призналась я.

На его лице на мгновение мелькнула тень надежды, и он что-то быстро нацарапал на пергаменте.

— Магия? — последовал следующий, ключевой вопрос.

— Нет, — ответила я четко.

Он поднял на меня взгляд.

— Совсем? — переспросил он, будто проверяя, не ослышался ли он.

— Совсем, — подтвердила я.

— Ни капли? Ни единой искры? — он наклонился вперед, словно пытаясь разглядеть во мне скрытый магический потенциал.

— Я даже свечку зажечь не могу без посторонней помощи, — развела я руками, стараясь сохранять очаровательную улыбку, хотя внутри все сжалось. В объявлении же было написано, что это не критично!

— А... спичками? — в его голосе зазвучал последний луч

надежды.

— Вот, — с торжеством достала я из кармана свою спасительную зажигалку. — Моя гордость. Научный прогресс вместо магии.

Он взял ее с величайшей осторожностью, как будто это был древний, нестабильный артефакт.

— Это... магический источник огня? — прошептал он, вращая ее в руках. — Какой-то концентратор стихии?

— Это зажигалка, — пояснила я и щелкнула ею, вызвав к жизни ровный огонек. — Никакой магии. Только физика и химия.

— Звучит как очень сложное заклинание, — мрачно заключил он и снова что-то записал, но на этот раз его выражение лица стало еще более удрученным.

— И вы... не местная? — продолжил он, вглядываясь в меня. — У вас странный акцент и необычный сленг.

Пришло время признаться.

— Нет. Я... с Земли, — произнесла я как можно более беззаботно, стараясь сделать вид, что это самое обычное дело.

Он отложил пергамент.

— Где это? Не припоминаю такого мира в списке Федерации, — его брови поползли вверх.

— Ну... это другой мир. Очень, очень далеко, — я нервно улыбнулась.

Граф Кириан откинулся на спинку стула и тяжело вздох-

нул.

— Вы хотите сказать, что сели не в тот поезд? — уточнил он, и в его глазах читалось странное сочетание жалости и раздражения.

— Именно так, — кивнула я, чувствуя, как тепло надежды начинает утекать из меня, словно песок сквозь пальцы.

— Это объясняет, почему вы здесь. Но не объясняет, почему вы пришли именно ко мне, — он подпер подбородок рукой, и его взгляд стал тяжелым и проницательным. — Видите ли, мисс Елизавета... Я не могу нанять человека, который не знает азов магии и не понимает базовых законов этого мира. Моя дочь... она не просто ребенок. Она — живой, непредсказуемый катаклизм. Ей нужна стабильность, которую вы, простите, не можете дать. Вы и сами едва держитесь на плаву в этой реальности.

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и безжалостные. Казалось, дверь в мое новое, пусть и странное, будущее, с грохотом захлопывается у меня перед носом.

Тишина в гостиной повисла густая и тяжёлая, как свинцовое покрывало. Отказ прозвучал как приговор. Но сдаваться я не собиралась. Отступить было некуда — за спиной лишь магический мир, в котором у меня не было ни гроша, ни крыши над головой.

— Тогда почему вы до сих пор не нашли няню-мага? — спросила я, цепляясь за последнюю соломинку. — Если это так необходимо. Не можете?

— Могу, — он устало провёл рукой по лицу. — Но маги... они её пугаются. А она это чувствует. Плачет, закатывает истерики, пытается от них избавиться всеми силами. Её магия — это реакция на эмоции. Страх для неё как красная тряпка для быка.

— Почему? — прошептала я, и в душу закрался холодный червь сомнения. Если опытные маги не справляются, то что могу сделать я? Может, то предупреждение в объявлении о превращении в желе было не такой уж и шуткой?

— Потому что она — светлячок, — произнёс Кириан, и в его голосе впервые прозвучала нежность, смешанная с гордостью.

— Это... как фонарик? — не удержалась я от глупого вопроса, не в силах представить себе подобное.

Он тихо рассмеялся, и звук этот был похож на шелест опавших листьев.

— Нет. Это редчайшая форма врождённой магии. Она не колдует заклинаниями. Она... воплощает их. Когда она счастлива — её кожа и волосы излучают мягкий свет, а вокруг порхают искорки-бусинки. Когда расстроена — может ненароком превратить свою кашу в акварельные краски. А когда в ярости... — он нервно сглотнул, — в прошлый раз её плюшевый мишка три дня ходил за мной по пятам и читал нравоучения гекзаметром. Это дар нашей расы, суть самой магии жизни. Со временем она научится это контролировать, но сейчас... сейчас она как живой, непредсказуемый

салют. В городе нет эльфов, которые могли бы помочь. Сородичам-светлячкам пришлось уйти в заповедный лес, но я не могу бросить всё и последовать за ними на десять лет.

В его словах звучала такая безысходность, что мне стало не по себе.

— А её мама? — осторожно спросила я. — Раз она унаследовала этот дар не от вас, значит, от неё? Она должна знать, как с этим справляться.

Лицо графа стало каменным. Глаза, ещё секунду назад мягкие, стали жёсткими, как сталь, а губы сжались в тонкую белую ниточку. Воздух в комнате похолодел.

— Ушла, — отрубил он, и это слово прозвучало как хлопок двери, захлопнувшейся навсегда. — Через месяц после родов. Сказала, что не может быть матерью такому... такому «светящемуся феномену». Что материнство — это не для неё.

Что-то острое и горячее сжалось у меня в груди. Не из-за него. Из-за неё. Из-за этой женщины, бросившей своего ребёнка. Я вспомнила, как сама мечтала о дочке. Как втайне придумывала имена, представляла, какие колыбельные буду ей петь. А этот измождённый эльф... он остался. Один. С ребёнком-фейерверком, с разрушенными мечтами, с этим хаотичным домом. Он не сбежал. Он боролся. Из последних сил.

— Я не умею колдовать, — сказала я тихо, но твёрдо, глядя ему прямо в глаза. — Но я умею слушать. Я не пугаюсь

странного. Я люблю детей всем сердцем. И я знаю, как найти с ними общий язык. Иногда всё, что им нужно — это чтобы их просто обняли и поняли.

— Это не поможет, если она в припадке радости превратит кота в желе, — печально улыбнулся он, но в его взгляде уже не было прежней непробиваемой стены.

В этот момент дверь в детскую приоткрылась с тихим скрипом. И появилась она.

Маленькая, хрупкая, словно сделанная из света и фарфора. Её волосы струились по плечам живым серебром, переливаясь нежным голубоватым сиянием, словно утреннее небо на рассвете. Огромные, миндалевидные глаза цвета весенней листвы с любопытством изучали комнату. В руках она сжимала игрушечного зайца, у которого вместо ушей красовались настоящие, трепетные крылышки. Интересно, он таким родился или это её рук дело?

— Папа! — её голосок прозвенел, как колокольчик. — Я хочу включить лунную лампу!

Она топнула ножкой, и вокруг её босых ступней вспыхнули и погасли крошечные звёздочки.

— Солнышко, я же сказал — нельзя! Она у нас капризная! — попытался настоять Кириан, но в его голосе сквозила отеческая слабость.

— Но она такая красивая! — настаивала девочка, и её волосы вспыхнули ярче.

— А в прошлый раз ты заставила её три часа подряд петь

песенки про пингвинов! И она так обиделась, что отказывалась светиться целую неделю!

— Но пингины — это смешно! — заявила она, и тут её взгляд упал на меня.

Она замерла, изучая незнакомку с немим удивлением. Я видела, как в её глазах мелькают мысли, словно она что-то взвешивает, решает какую-то важную задачу. И вдруг её личико озарила такая яркая, сияющая улыбка, что комната наполнилась тёплым, золотистым светом. Она не побежала к отцу. Она стремительно бросилась через комнату ко мне.

— Ты кто? — прошептала она, бесцеремонно взобравшись ко мне на колени и обвив мою шею маленькими ручками. От неё пахло мёдом, свежескошенной травой и чем-то неуловимо волшебным, словно озёрным бризом на заре.

— Я Лиза, — ответила я, и моя рука сама потянулась погладить её сияющие волосы. Они были на удивление тёплыми и мягкими.

— Ты пахнешь... не так, как папа, — задумчиво заметила она, уткнувшись носиком мне в шею. — И не так, как другие.

— Спасибо? — смущённо рассмеялась я, не зная, как реагировать.

— Ты пахнешь... как ветер, — объявила она, сделав глубокий вдох. — Как ветер, который приносит с собой новые истории.

И она принялась перебирать мои обычные, земные волосы своими маленькими пальчиками, с тем же самым внима-

нием, с каким я только что гладила её.

В это время Кириан не произнёс ни слова. Он просто сидел и смотрел на нас, и в его уставших глазах я впервые увидела нечто новое — проблеск немой надежды, хрупкой, как первый весенний ледок. Возможно, это и был самый главный тест. И, похоже, я его только что прошла.

— Ну, я как раз приехала на ветре, — улыбнулась я, и её сияние стало теплее и мягче, словно лучик солнца, пробившийся сквозь облака.

Маленькие пальчики вцепились в мою руку с удивительной силой.

— А ты умеешь играть? — в её глазах горели целые созвездия надежды. И я не могла её разочаровать. Взрослые часто забывают этот язык, погружаясь в свои «важные» дела. Но я-то помнила.

— Иногда, — сделала я заговорщицкое лицо и поправила прядь волос. Она тут же, с полной серьёзностью, повторила моё движение.

— А в пиратов? — прошептала она, заглядывая мне в душу своими бездонными глазами.

— Только если ты — капитан, — без тени улыбки ответила я.

— Ура-а-а! — её крик был подобен фанфару, и несколько ярких искр выпорхнули из её волос, устроив над нами мини-фейерверк. — Тогда мы играем в капитана пиратов и её верных помощников!

Она потащила меня в самый эпицентр игровой зоны — царство разбросанных кукол, деревянных драконов и книг с шевелящимися иллюстрациями. Я без раздумий опустилась на пол, и она тут же сунула мне в руки странное существо, похожее на помесь осьминога с попугаем.

— Вот твой питомец! Он будет нашим штурманом! — объявила она.

Кириан, стоявший в дверях, выглядел так, будто стал свидетелем природного катаклизма.

— Эй! — его голос прозвучал немного потерянно. — Мы же ещё не договорили!

Он явно пытался вернуть контроль над ситуацией, но его дочь уже всё решила. Я посмотрела на него, потом показала на игрушку в своей руке, а затем на сияющее личико девочки, которая уже всюю расставляла своих плюшевых «матросов» в боевой порядок.

— Папа, ты скучный! — заявила она, не глядя на него.

— Я не скучный! Я... ответственный! — эльф беспомощно опустил плечи, и его изящные уши действительно слегка поникли. Бедняга. Я понимала, что сейчас я для неё — новая блестящая игрушка. Но в этом и был шанс.

Тогда я пошла на отчаянный шаг. Я достала из кармана свою банковскую карту — кусочек прошлой, уже такой далёкой жизни.

— Смотри, — сказала я, проводя пальцем по магнитной полосе. На мгновение карта блеснула в свете люстры. —

Волшебная пластина. Если провести по краю — появляется свет!

— Вау! — воскликнула девочка, рассматривая её с благоговением.

— Это просто карта, — безжалостно разрушил иллюзию Кириан. — Не магия. Обычный кусок пластика.

— А я думала, это артефакт! — её нижняя губа задрожала, щёки надулись, а свет вокруг нас померк, словно выключили половину лампочек.

Но я была готова. Я сделала вид, что засунула карту в кулак, ловко перехватила её и достала из-за её уха свою зажигалку.

— Оп-па! — щёлкнула я, и маленький огонёк послушно вспыхнул.

Девочка захлопала в ладоши, и в этот самый момент я почувствовала странный зуд в коже головы. Я провела рукой по волосам. Они стали... другими. Я подбежала к зеркалу. Мои волосы были ярко-зелёного цвета, как у тропической лягушки.

— А-а-а! — вырвалось у меня, но я тут же закусила губу, понимая, кто виновник.

— Я сделала! — гордо объявила малышка. — Ты теперь как лягушка! Ква-ква! Лягушки прыгают вот так!

Она принялась скакать по комнате, и с каждым её прыжком по полу расходились круги нежного, изумрудного света.

Я рассмеялась, глядя на своё отражение.

— Лягушка, говоришь? Ну что ж, быть лягушкой — это весело. Мне даже к парикмахеру ходить не надо. У меня есть своя личная волшебница!

Она взвизгнула от восторга, влетела ко мне в объятия и повисла на шее. В этот же миг декоративная подушка с дивана внезапно обрела крылья и, нежно похлопывая ими, улетила в коридор.

Кириан наблюдал за этой сценой с каменным лицом. Потом он медленно достал свой пергамент и с глубоким, прочувствованным вздохом произнёс:

— Ладно. Вы... остаётесь. На пробный день. Сегодня вечером я приму окончательное решение.

Он провёл для меня краткую экскурсию по дому, пока его дочь восседала у меня на бедре, увлечённо игравшая с моими зелёными пряжами.

— Это кухня.

Я замерла на пороге. Это была не просто кухня. Это был оазис привычного мира посреди магического хаоса. Старый, потертый деревянный стол, испещрённый царапинами и пятнами, будто на нём выросло не одно поколение. Раковина с вечно капающим краном — этот звук был универсальным для всех миров. Холодильник, облепленный магнитами: один в виде мудрой совы, другой — детский рисунок звезды, сделанный явно рукой моей новой маленькой подруги. И запах... Пахло домашним супом, воском и теплом.

Я почему-то ожидала летающих кастрюль и самонареза-

ющего хлеба, но здесь царила уютная, почти земная обыденность.

— Это Барс, — Кириан указал на большой, потрёпанный фартук, висевший на крючке. Тот слегка шевельнул карманом, словно во сне.

— Он... живой? — осторожно спросила я.

— В некотором роде. Он не говорит, но всё чувствует. Если ему комфортно — еда получается божественной. Если обидится... — эльф скептически хмыкнул, — может устроить бойкот.

— То есть?

— Плита не включится. Нож затупится, едва коснувшись хлеба. Молоко может внезапно скиснуть прямо в кувшине. Однажды он так обиделся, что все ложки в доме на сутки стали резиновыми.

— А если я скажу: «Спасибо, Барс, ты лучший»? — поинтересовалась я.

— Он, возможно, разрешит тебе приготовить съедобный ужин, — на лице Кириана мелькнула тень улыбки.

Я подошла к столу, заваленному бумагами, рисунками и пустыми чашками. Мой взгляд упал на верхний лист:

«ПРАВИЛА УХОДА ЗА СВЕТЛЯЧКАМИ. Глава 7: Экстренные меры при случайной трансформации родителя в желе или иную субстанцию».

Я подняла бровь.

— Неужели всё настолько... серьёзно?

— К сожалению, да, — он забрал листок. — В прошлый раз она просто хотела, чтобы я стал «позеленее, как наша лужайка».

— И? — не удержалась я.

Кириан мрачно вздохнул.

— Я провёл три часа в виде салата «Оливье». Со всеми вытекающими... в прямом смысле.

— Как прикольно! — вырвалось у меня, но, увидев его взгляд, я тут же поправилась. — То есть, как ужасно! Хорошо, что вороны не слетелись на такой... аппетитный обед.

Он лишь закатил глаза и указал на холодильник.

— Еда — там. Её порция — в синей тарелке. Никаких орехов, никакого шоколада, и, ради всего святого, ничего синего.

— Почему не синего? — удивилась я.

— Потому что в прошлый раз после синего йогурта она светила так, что у соседей сработала сигнализация от несанкционированного портала. Думали, начинается межпланетное вторжение.

Я кивнула, стараясь сохранить серьёзность.

— Поняла. Никаких синих продуктов.

Он посмотрел на меня долгим, усталым взглядом. В этом взгляде не было раздражения. Была глубокая, копившаяся месяцами усталость родителя-одиночки, который из последних сил пытается быть и матерью, и отцом, и волшебником для своего необычного ребёнка. Он любил её больше жизни.

Но он тоже был живым человеком. И ему отчаянно нужна была помощь. Хотя бы на один вечер.

Он замер на пороге, его взгляд стал пристальным и изучающим.

— Вы... не боитесь? — спросил Кириан, и в его улыбке было что-то горькое и понимающее одновременно.

— Чего именно? — переспросила я, хотя прекрасно понимала, о чём он.

— Всего этого, — он сделал широкий жест рукой, вмещающий в себя и летающие подушки, и говорящие книги, и дочь-светлячка, и самую суть этого непредсказуемого, магического мира.

— А вы? — парировала я, глядя на его иссечённое морщинами усталости лицо. Ему бы месяц в спа-салоне, а не няня. Ему бы просто поспать.

— Я уже забыл, каково это — не бояться, — он тихо выдохнул, на мгновение прикрыв глаза, будто вспоминая давно утерянное чувство. — Я просто... существую в этом страхе. Как в плотном тумане.

— Тогда и я попробую существовать без него, — сказала я твёрдо, и моя улыбка на этот раз была искренней и ободряющей.

— Ну что ж, продолжим, — он резко развернулся, и я последовала за ним, как тень.

Гостиная.

Переступив порог, я почувствовала, как воздух стал гу-

ще, а звуки приглушёнными. Комната дышала покоем, но не идеальным, а живым, обжитым.

Огромное окно в пол открывало вид на сад, где листья на деревьях медленно переливались от изумрудного к золотистому, подстраиваясь под настроение неба. На полу лежал старый, добротный ковёр с вытертым до основания узором — явный свидетель бесчисленных игр и, возможно, папиных внезапных погружений в сон после тяжёлого дня.

Диван был завален смятым пледом, а на полу рядом валялась подушка с вмятиной от головы. Детская книжка с картинками лежала раскрытой на странице, где эльфы качались на лунных лучах. Угол страницы был аккуратно отгрызен.

— Это Гризли постарался, — пояснил Кириан, заметив мой взгляд. — Наш кот. Он считает, что книги нужно не только читать, но и пробовать на вкус.

— Обожаю котов! — воскликнула я. — Где же он?

— Наверное, спит в другом измерении. Он умеет, — эльф с лёгкой улыбкой пожал плечами.

Мой взгляд скользнул по книжным полкам. Я ожидала увидеть фолианты по начертательной магии или трактаты о заклинаниях. Но нет. Здесь стояли совсем другие книги: «Как не испортить светлячка: руководство для отчаявшихся родителей», «Эмоциональный интеллект и магические всплески», «Первая помощь при случайном сотворении портала в иной мир».

Одна книга, с закладкой-ленточкой, была подписана дет-

ской рукой:

«Папе, самому лучшему!».

На каминной полке стояла фотография в серебряной рамке. На ней сияющая Иллиана сидела на чьих-то руках. Но тот, кто её держал, был... стёрт. Не вырезан, а именно магически стёрт, оставив после себя лишь размытое пятно. Я отвела взгляд. Некоторые раны лучше не трогать.

У стены стояло кресло-трон. Не для гостей, а для него. С потёртой до дыр обивкой, с подстаканником, в котором застыла забытая чашка чая. На подлокотнике лежали очки в тонкой оправе — не для зрения, а для чтения сложных заклинаний. Когда я проходила мимо, линзы слабо вспыхнули голубым светом.

— Телепорт-ковёр не используйте, — предупредил Кириан, указывая на скромный половичок у двери. — Он капризный и любит подшучивать.

— А куда он... шутит? — не удержалась я.

— В прошлый раз закинул меня в баню для гномов, — на его губе дрогнула улыбка.

— И? — я уже представляла себе этот абсурд.

— Я был не готов к коллективному паровому массажу, — он с притворной суровостью покачал головой. — А ковёр потом заявил, что я «слишком зажат и нуждаюсь в релаксации».

Я рассмеялась. На этот раз он ответил мне лёгкой, едва заметной улыбкой. В его глазах что-то дрогнуло — может

быть, намёк на давно забытую лёгкость.

Детская.

Я переступила порог — и меня окутало волной чистого, безудержного детства.

Комната была наполнена светом, который, казалось, исходил не от солнца, а изнутри, от самых стен. На потолке медленно плыли настоящие звёзды — маленькие, тёплые, живые. Одна из них, самая непоседливая, сорвалась и прилепилась к носу Иллианы.

— Это моя звёздочка! — объявила она. — Я её приручила!

Стены не были просто окрашены. На них расстился живой, дышащий лес. Деревья шелестели листьями, сказочные звери лениво потягивались в своих зарослях, а с ветки на ветку перепрыгивала белка с хвостом-пером.

— Это волшебные обои? — предположила я.

— Нет, — тихо ответил Кириан. — Это она.

— Что — она?

— Её настроение. Её внутренний мир. Когда она счастлива, комната оживает, — он смотрел на дочь с такой нежностью, что у меня сжалось сердце.

Кровать была не просто кроватью, а настоящим домиком на дереве, парящим в воздухе. С верёвочной лестницей, с флагом, на котором был нарисован улыбающийся дракон, и с окошком, в которое, казалось, можно было шагнуть и полететь. Подушка в форме пухлого облака тихонько посапыва-

ла, а одеяло, расшитое серебряными нитями, изображало луну, которая подмигивала мне с интервалом в десять секунд.

Игрушки лежали в творческом беспорядке, но это был живой беспорядок. Плюшевый заяц с бархатными крыльями бабочки время от времени вздрагивал во сне. У медведя на спине зияла зашитая трещина, из которой упрямо рос маленький, колючий кактус.

На полке стояли аккуратные баночки с причудливыми этикетками: «Слёзы восторга (собр. 12.03)», «Искры зевоты», «Пух от щенячьей радости».

— Это что? — спросила я, указывая на коллекцию.

— Её эмоции, — пояснил Кириан. — В моменты сильных переживаний она... излучает материальные следы. Я собираю их.

— Зачем? — не поняла я.

— Затем... — он замолчал, его взгляд снова упёрся в ту самую фотографию с стёртым силуэтом. — Затем, что это самые яркие частички её души. И они только её.

Я подошла к шкафу. Вся одежда была аккуратно разложена и подписана: «Только НЕ СИНЕЕ!», «Не надевать в полнолуние — начинает светиться», «Особое, для бабушки». Рядом стояла маленькая, ничем не примечательная коробочка. Я открыла её. Внутри лежала детская расчёска с несколькими отсутствующими зубьями. И записка, выведенная неуверенным детским почерком: «Мама обещала починить». Дата — почти год назад.

Я закрыла коробку, словно прикоснувшись к чужой боли. Как можно было оставить их? Этого уставшего, но бесконечно преданного эльфа и эту сияющую, хрупкую девочку?

Кириан смотрел на нас. На меня, с моими нелепыми зелёными волосами, сидящую на полу в позе йога, и на его дочь, которая, устроившись у меня на коленях, светилась, как маленькая жемчужина, излучающая тёплый, живой свет.

— Я вернусь поздно, — сказал он, его голос был тихим, но твёрдым. — Дела в магическом совете.

— Всё будет в порядке, — уверенно заверила я его.

— Дом... он в запущении, — он с сожалением оглядел комнату. — Если получится...

— Я разберусь, — пообещала я.

— И если что-то пойдёт не так... — он достал из воздуха маленький сверкающий камень и положил его мне в ладонь. — Сожмите его и скажите моё имя. Я услышу.

Он накинул плащ и уже взялся за ручку двери, но обернулся в последний раз.

— Спасибо, — это слово прозвучало так тихо, что я почти прочла его по губам. — За её смех. Её зовут Иллиана. Кажется, я забыл вам сказать.

Дверь мягко закрылась. Тишина дома стала иной — теперь она была наполнена только нашим с Иллианой дыханием и тихим шелестом живых обоев. Мы остались одни. Девочка подняла на меня свои сияющие глаза.

— Ну что, капитан, — сказала я, беря в руки игрушечного

осьминога-штурмана. — Куда плывём?

Визуализация! Кириан)

На вид ему было лет тридцать пять — по эльфийским меркам, вероятно, просто юноша. Его рубашка была испачкана пятном загадочного фиолетового происхождения. Но больше всего выдавали его состояние глаза — глубокие тени под ними и выражение бесконечной, накопленной за столетия усталости. Он смотрел на меня так, будто я была очередной проблемой, упавшей на его голову с небес.

Глава 3

Тишина. Нет, не тишина. Стоило двери закрыться за Кирианом, как дом наполнился новым звучанием. Не громким, а скорее... ощутимым. Воздух загустел, замер в ожидании. Казалось, сами стены выдохнули с облегчением и теперь с любопытством разглядывали нас, словно говоря: «Ну что, остались одни. Интересно, на что ты способна?»

Я опустила на диван, и мягкая обивка с тихим вздохом приняла мою усталость. Иллиана тут же вскарабкалась ко мне, устроившись на коленях живым, тёплым комочком света. Её свечение было почти осязаемым — мягкие волны спокойствия, исходившие от неё, смывали напряжение последних часов.

— Ты останешься? — прошептала она, уткнувшись носом мне в шею. Её голосок дрожал, и в нём читалась такая хрупкая, такая оголённая надежда, что у меня в груди всё перевернулось.

— На сегодня — точно, — пообещала я, глядя её по спинке. Её волосы были на удивление мягкими и излучали лёгкое тепло, как шерсть котёнка, греющегося на солнце. — А там... посмотрим. Мир полон сюрпризов.

— Ура! — она буквально выстрелила с моих колен и, схватив меня за руку, потащила в сторону детской. — Поиграем в принцесс! Настоящих! С замками и... и дракона-

ми-печеньками!

— А я буду... стражником, который следит, чтобы принцесса не свалилась с волшебной башни-кровати, — сказала я, с притворной серьёзностью осматривая конструкцию. — Я ведь новичок в таких высоких технологиях.

Она залилась звонким смехом, и комната озарилась всплеском золотистого света. Потолочные звёзды, подхваченные её радостью, закружились в немом вальсе, выписывая замысловатые траектории. Стены-лес зашелестели листьями, а нарисованные птицы запели. Всё вокруг откликлось на её счастье.

И мы погрузились в игру. Я — Королева Лизветта Повелительница Зелёных (теперь уже фиолетовых) Волос, она — Принцесса Иллиана, Хранительница Света и Повелительница Добрых Кактусов.

Мы отважно спасали плюшевого медведя от коварного Пингвина-Захватчика (которым оказалась забытая под диваном чёрно-белая перчатка). Мы танцевали победный танец, когда злодей был повержен, и торжественно водрузили его «в темницу» — на самую высокую книжную полку. Потому что справедливость должна восторжествовать!

В разгаре битвы Иллиана в порыве эмоций дёрнула меня за прядь волос — и они мгновенно из зелёных стали насыщенно-фиолетовыми, цвета спелой сливы.

— Ого, — я подошла к зеркалу. — Теперь я похожа на самый мудрый и таинственный баклажан в королевстве. Го-

ворят, они приносят удачу.

— Ты — красивая баклажанка! — объявила она, с восхищением разглядывая свою работу. — Самая красивая!

— Спасибо, солнышко, — улыбнулась я. — А ты... ты как первое солнце после долгой ночи. Такое яркое, что даже самые тёмные уголки становятся светлыми.

Она взвизгнула — негромко, счастливо — и прижалась ко мне всей своей маленькой, светящейся сущностью. И в этот миг я почувствовала это. Не желание, не потребность в услугах. А чистое, незамутнённое хотение. Она хотела, чтобы я была здесь. Просто потому, что я — это я. Потому что я смеюсь её шуткам, не боюсь её волшебства и готова быть баклажаном ради её улыбки.

И это обожгло. Острая, сладкая боль пронзила грудь. Я так давно никому не была нужна. Не нужна вот так, без условий, без оглядки на выгоду.

Подруга, с которой я делилась самым сокровенным, оказалась шпионом в стане врага, впитывающей мои слабости, чтобы потом нанести удар точнее. Муж, ради которого я выстраивала наш общий мирок, оказался просто прохожим, который грелся у моего очага, пока не нашёл костёр по ярче.

«Что я сделала не так? — пронеслось в голове. — Я была сильной, самостоятельной, верной. Я хотела семью, уют, будущее. А он... ему нужна была не жена, а временная попутчица. И когда я захотела осесть, он просто вышел на следующей остановке».

Горький комок подкатил к горлу. Эх, Лизка, опять за своё? Стоит ли пережёвывать старую жвачку прошлого, когда прямо здесь, в настоящем, тебя обнимает маленькое чудо, которое видит в тебе целую вселенную?

Я глубоко вдохнула, прогоняя прочь тени прошлого. Нет, хватит. Довольно.

Я посмотрела на сияющую Иллиану, на этот дом, полный хаотичного волшебства, на свои фиолетовые волосы в зеркале. Да, мне нужны деньги на билет. Но, возможно, пока я буду их зарабатывать, я найду здесь нечто гораздо более ценное. Возможно, этот нелепый, волшебный мир и эта маленькая светлячковая душа как раз и есть тот самый «счастливый билет», на который я нечаянно, от отчаяния, села в тот дождливый день на перроне.

— Ну что, Ваше Светящееся Величество, — сказала я, подхватывая её на руки. — Каковы дальнейшие указы? Говорите, ваша верная баклажанка-стражница к услугам!

Фиолетовые пряди падали мне на лицо, напоминая о том, что закончившейся битве с Пингвином-Захватчиком. Иллиана, всё ещё сияющая от восторга, устроилась у меня на коленях, её маленькое тельство излучало тепло, как живая грелка.

— Голодная? — спросила я, тщательно скрывая под улыбкой остатки горьких мыслей. Дети, как барометры, чувствуют настроение взрослых.

— Да-а-а! — протрубила она прямо мне в ухо с такой си-

лой, что у меня зазвенело. — А что кушать будем?

— Команду «Кухня!» выполнять! — скомандовала я, поднимая её на руки. Она повисла у меня на шее, как маленькая, светящаяся обезьянка. — Правила помнишь? Никакого синего, орехов и... прочих пингвинов. Наш заключённый будет стоять в углу и размышлять о своих преступлениях.

Мы вшестером, если считать моего внутреннего критика и её сияющий энтузиазм, проследовали на кухню. Иллиана устроилась на стуле, принявшись болтать ногами и с ходу погружившись в захватывающий рассказ о сне, где облака были из зефира, а дождь — из лимонада. Я же в это время изучала обстановку с осторожностью сапёра.

Кухня встретила нас настороженной тишиной. Барс, дух кухни, безмолвствовал, и его молчание было красноречивее любых слов. Даже вечно капающий кран притих. Чайник на плите стоял с таким видом, будто затаил дыхание в ожидании моего первого промаха.

Я открыла холодильник. Он встретил меня струей прохлады и аккуратными рядами контейнеров. Синяя тарелка с заветной надписью «Только для Иллианы» ждала своего звёздного часа. Внутри — овощной суп-пюре, тёртая морковка и кусок бездрожжевого хлеба. Всё очень полезно, очень правильно и... на редкость безрадостно на вид. «Сказано — без сладкого и синего, значит, так и делаем», — мысленно повторила я папину инструкцию.

Достала суп, поставила кастрюльку на плиту. Повернула

ручку конфорки. Ничего. Повернула ещё раз, сильнее. Тишина. Плита хранила каменное спокойствие.

В воздухе повисло напряжённое молчание. Иллиана притихла, наблюдая за мной. Барс испытывал меня на прочность.

— Слушай, Барс, — начала я, обращаясь в пустоту, но чувствуя, что меня слушают. — Давай дружить. Я понимаю, ты здесь хозяин. Но девочку нужно накормить. И меня, если что, тоже. Мы же команда, верно?

Мгновение — и чайник на плите снисходительно фыркнул, выпустив клубок пара. Конфорка под кастрюлей послушно вспыхнула ровным синим огнём. Победа.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Ты — самый великодушный дух на всём белом свете. Честно. Других я, может, и не видела, но ты точно лучший.

В ответ чайник выпустил новый клуб пара, на этот раз принявший форму идеального сердца. Иллиана ахнула от восторга.

— Ой, смотри! Он тебя любит! — прошептала она.

— Я это так и восприняла, — улыбнулась я. — Значит, мы договорились.

Суп зашипел на плите, наполняя кухню травяным ароматом. Я разлила его по тарелкам. Запах, надо сказать, был... аскетичным. Но вид у него был вполне съедобный.

— Есть будешь, как цивилизованный человек, сидя за столом, — объявила я, ставя тарелку перед Иллианой. — Иначе

суп обидится и уйдёт голодный.

— Суп? — она перестала болтать ногами, её брови поползли вверх. — Как суп может быть голодный?

— Очень просто. Не попадёт он в твой рот — и останется без работы. Представляешь, какая это для него трагедия?

Она фыркнула, но выпрямила спину, сделав вид, что подчиняется исключительно из уважения к кулинарным чувствам супа. Однако по её хитрому, скользкому взгляду я поняла: битва только начинается.

— Ну вот, — сказала я ободряюще. — Приятного аппетита.

Иллиана взяла ложку, как будто это была сабля неподъёмного веса. Подняла её, занесла над тарелкой... и замерла.

— Не хочу, — объявила она, отводя глаза. — Это папин скучный суп. Он всегда такой. Я хочу другое!

Я придвинулась к ней ближе, опустившись на уровень её глаз.

— А знаешь, я тоже многого не хочу, — призналась я ей шепотом, как самую большую тайну. — Я, например, не хочу мыть посуду. Или убирать разбросанные игрушки. Но мы же взрослые, правда? Мы иногда делаем то, что надо. Давай договоримся: ты съедаешь этот суп — а я не исчезаю в параллельное измерение. Честное пионерское.

Она внимательно посмотрела на меня, в её глазах бушевала внутренняя борьба между капризом и страхом потерять новую интересную взрослую. Наконец, она с глубоким вздо-

хом, как будто готовясь к подвигу, зачерпнула первую ложку. Прожевала. Сморщила носик, словно съела лимон. Сделала вторую ложку. И третью. Ноги под столом снова задвигались, но теперь это было не от нежелания, а от закипающей внутри энергии. Она ела, а её взгляд бегал по комнате, выискивая следующее приключение.

Я молча наблюдала, сдерживая улыбку. Голова у неё работала на полную катушку. И в этом был свой, особый, светлячковый прогресс.

— А можно песню? — наконец выдохнула Иллиана, так и не донеся очередную ложку до рта. В её глазах плескалась хитрая надежда — будто песня была волшебным ключиком, способным отпереть дверцу в мир, где супа не существует.

— Можно, — согласилась я, кивнув на забытую ложку. — Но давай на чистоту. Пока ешь — я пою. Стоит тебе остановиться — и я замолкаю. Договорились?

Девочка энергично кивнула, сияние вокруг её висков вспыхнуло ярче. Она тут же поднесла ложку ко рту и замерла в ожидании, словно птичка, раскрывшая клюв для тёплой кашицы.

И я запела. Не местные, заковыристые напевы, а простые, выцветшие от времени колыбельные моего детства. Те самые, что пела мне бабушка в деревне, где пахло сеном и яблоками.

«Ой, люли, люли, прилетели журавли...»

Голос срывался, ломался о невидимую преграду внутри.

Не от страха. От щемящей нежности, которая подступала к горлу тёплым, неудержимым потоком. Я не просто пела — я отдавала этой чужой, но такой родной девочке кусок собственной души, вынимала из заветного сундука памяти самое дорогое, что у меня осталось от мира, где трава была просто зелёной, а звёзды — просто далёкими.

Иллиана слушала, замороженно раскрыв рот. Ложка так и осталась в воздухе. Её сияние медленно набирало силу, из мягкого свечения превращаясь в тёплое, пульсирующее сияние, озарявшее всю кухню золотистым светом. Её глазки начали слипаться, ресницы трепетали, будто бабочки, готовые ко сну. А потом... она просто уснула. Мягко, без всяких усилий, как угасает свеча на ночном ветру. Она отодвинула тарелку, подложила ладошки под щёчку, и её дыхание стало глубоким и ровным.

— Ох, малышка моя светлячковая, — прошептала я, осторожно поднимая её на руки. Она обмякла, доверчиво прильнув ко мне. — Даже во сне ты не перестаёшь быть чудом.

Я отнесла её в детскую, в этот парящий домик-кровать, где на потолке медленно кружили сонные звёзды. Уложила, укрыла тем самым облаком-одеялом, которое лениво потянулось, принимая форму её тельца. Поправила прядь на её лбу, и не удержалась — поцеловала в макушку, туда, где сияние было самым тёплым.

— Спи, — выдохнула я.

Но даже во сне её рука инстинктивно потянулась ко мне,

маленькие пальчики вцепились в мою кофту.

— Скажи, что останешься, — прошептала она сквозь сон, едва шевеля губами.

Сердце сжалось. Я аккуратно высвободила ткань из её хватки.

— Я здесь, — мягко ответила я.

— Навсегда? — в этом шёпоте прозвучала вся её детская, оголённая боль от одного уже случившегося «ухода».

Врать я не могла. Дети чувствуют фальшь острее любого взрослого. Они, как барометры, улавливают малейшие колебания в атмосфере правды. Но и ранить её жестокой определённой «Нет, я уеду, как только заработаю денег» я тоже не имела права.

— Я останусь до тех пор, пока ты будешь меня хотеть, а твой папа — нуждаться во мне, — сказала я, подбирая слова с осторожностью сапёра. Кто знает, что ждёт завтра? Может, завтра Кириан решит, что я — слишком рискованное приобретение для его хрупкого мира.

Иллиана, уже почти в объятиях Морфея, что-то пробормотала в ответ. Мне показалось, или это было:

«Тогда это навсегда...»

Она устроилась поудобнее, подложив ладошки под щёку, и её сияние наконец утихомирилось, превратившись в ровное, спокойное свечение, похожее на свет ночника. Я не могла оторвать от неё взгляда. В этой тихой комнате, под мерцающими звёздами, с этой доверчиво уснувшей девочкой, я

вдруг с болезненной ясностью осознала: мой побег из старой жизни привёл меня не в никуда. Он привёл меня именно сюда. К тому, о чём я так долго и безнадёжно мечтала, даже не осознавая этого до конца. К простому, такому хрупкому и такому настоящему человеческому счастью.

Я осторожно спустилась с кровати-домика, не решаясь задержать дыхание, боясь потревожить её сон. Места для нас двоих действительно не хватало, да и спать в обнимку с живым светлячком, пусть и самым очаровательным, было бы непрактично. Я устроилась на мягком ковре, прислонившись к стене, которая на мгновение потеплела под моей спиной, словно утешая.

Я наблюдала за ней. За тем, как её грудь равномерно поднимается и опускается, как звёзды на потолке, замедлив свой хоровод, теперь лишь лениво перекачивались с места на место, словно подстраиваясь под ритм её дыхания. Рисунки на стенах потускнели, краски притихли. Весь этот волшебный мир, сотканный из её эмоций, засыпал вместе с ней. И в этой тишине, в этом умиротворении, я впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на покой.

И вдруг — зазвонил телефон.

Не мелодия, не вибрация. Тонкий, пронзительный, металлический звон, режущий тишину, как лезвие. Я вздрогнула, сердце ёкнуло и замерло. Это был мой телефон. Тот самый, что я считала мёртвым грузом в кармане, последним якорем в утонувшей реальности.

Я судорожно вытащила его. Экран был чёрным, безжизненным. Но этот звонок... Он шёл не от устройства. Он исходил из самого воздуха, из тьмы за экраном, настойчивый и зловещий.

Рука дрогнула, и я выронила его. Смартфон с глухим стуком ударился о ковёр, и в тот же миг — вспыхнул. Не привычной подсветкой, а ядовито-зелёным, призрачным свечением, озарившим моё лицо в темноте. На экране, будто написанное кровью, проступило сообщение:

«ВХОДЯЩИЙ ВЫЗОВ. ИСТОЧНИК: НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

И одна-единственная пульсирующая кнопка: «ПРИНЯТЬ».

— Этого не может быть, — выдохнула я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Это галлюцинация. Нервное истощение. Плод больного воображения, измученного стрессом и магией этого места.

Но рука сама потянулась к телефону. Логика кричала, что это невозможно, но я уже день как жила в мире, где невозможного не существовало. Может, здесь, в Элирии, законы физики иные? Может, сигнал смог пробиться сквозь завесу между мирами?

Я нажала. Лёгким, дрожащим касанием.

Поднесла аппарат к уху. Сначала — лишь гул, похожий на отдалённый штормовой прибой. Потом — сквозь шум пробился голос. Мужской. Голос, который когда-то был для ме-

ня музыкой, а теперь стал навязчивым кошмаром. Голос, от которого заныла старая рана, свежая и невыносимая.

— Лиза? Ты где? Я... я звоню, а тебя нигде нет. Ты уехала?

От этих слов, от этого притворного беспокойства в его тоне, меня бросило в жар. Я швырнула телефон прочь, как отбросы ядовитой гадины. Он ударился о стену, и свет погас, а звонок оборвался, словно его и не было. В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была тяжёлой, гнетущей, наполненной отзвуками только что случившегося кошмара.

Я сидела на полу, обхватив колени руками, и чувствовала, как бешено, с ненужной яростью, стучит сердце. В глазах стояли слёзы, горькие и беспомощные. Внутри снова что-то надломилось. Тот самый хрупкий покой, что начал было формироваться, рассыпался в прах.

Зачем? Зачем я ответила? Зачем этот призрак из прошлого нашёл меня здесь, в самом сердце волшебного мира, куда я сбежала, чтобы забыть? Я ведь так старалась вычеркнуть его, выжечь память о нём калёным железом. А он одним звонком, одним голосом вверг меня обратно в пучину боли.

И вместо того, чтобы злиться, вместо праведного гнева, я... жалею себя. Снова. Эта жалкая, унижительная жалость, от которой тошнит. Вместо того чтобы раз и навсегда выбросить его из сердца, я сижу здесь и плачу, как дура, позволив прошлому отравить своё настоящее.

Я закрыла лицо руками, пытаюсь заглушить внутренний стыд. Дура. Настоящая дура.

Гнев, обращённый внутрь себя, — штука едкая. Он жёг изнутри, требуя выхода. Я поднялась с пола, смахнула с лица предательские слёзы и вышла из комнаты, притворив за собой дверь. Тишина дома давила, и нужно было её чем-то заполнить, заглушить навязчивый эхо его голоса в ушах.

«Приведите дом в порядок», — сказал Кириан.

Что ж, отличный план. Я не успею всё, но я вымещу свою ярость на этом хаосе. Я принялась за работу с почти маниакальным рвением. Собирала разбросанные игрушки, складывала их в бессистемные, но аккуратные кучки. На кухне вымыла тарелки, смывая вместе с остатками супа и следы своего смятения. В гостиной пыталась навести подобие порядка, хотя понятия не имела, где чьё место. Я ведь нанималась няней, а не уборщицей, но сейчас это не имело значения. Физический труд стал щитом, стеной между мной и болью, которая пыталась прорваться наружу.

Я вытирала пыль с полок, и каждая крупинка, улетающая с тряпки, казалась каплей моего раздражения. Вениамин. Его имя отзывалось эхом в такт движению руки. «Подруга». Это слово резануло, как порез бумагой. Я терла всё яростнее, пока дерево не начало скрипеть от нажима.

И тут из детской донёсся сонный, встревоженный звук. Я замерла, затем, отложив тряпку, зашла внутрь. Иллиана сидела на кровати, её сияние было приглушённым, сонным, а глазки с трудом фокусировались на мне.

— Ты плачешь? — её голосок был хриплым от сна.

— Нет, солнышко, — я подошла и попыталась уложить её обратно, поправляя одеяло-облако. Голос дрогнул, выдавая меня с головой. — Всё хорошо. Спи.

— Но глаза мокрые, — она упрямо тыкала пальчиком в направлении моего лица.

Отвести глаза было некуда.

— Это... пот, — первая отчаянная ложка, что пришла в голову.

— От страха? — прошептала она, и в её вопросе была такая глубокая, детская пронизательность, что моя защитная стена дала трещину.

Я опустилась на край кровати, побеждённая.

— От... старого телефона, — призналась я шёпотом. Это была не вся правда, но это не была и ложь.

Она приподнялась и подползла ко мне, её маленькое тёплое тельство прильнуло ко мне, а ручонки обвили мою шею. Она свесилась с кровати, и её свет, такой хрупкий в ночи, казался единственным источником тепла во вселенной.

— Не надо грустить, — прошептала она мне в ухо. — Я сделаю тебе новые волосы. Самые красивые!

От этих слов ком в горле стал таким большим, что я не могла вымолвить ни слова. Она пыталась починить моё разбитое настроение единственным способом, который знала — своим волшебством.

— Не надо, — я с трудом выдавила, глядя её по спинке. — Я и так красивая, потому что ты меня уже украсила. Я же

твой верный баклажан, помнишь?

— А я сделаю тебя счастливой, — заявила она с такой непоколебимой уверенностью, будто объявляла закон природы.

Она положила свою маленькую ладонь мне на плечо. И случилось чудо.

Комната озарилась светом. Но не ослепительной вспышкой, а мягким, золотистым сиянием, будто само утро решило родиться здесь и сейчас, в этой комнате. Звёзды на потолке закружились в медленном, величественном вальсе. А стены... стены расступились, и на них проступила картина. Чёткая, ясная, живая. Мы с Иллианой. Мы стояли на берегу моря из серебряного песка, под небом, усыпанным розовыми облаками. Мы смеялись, и я держала её на руках, а её волосы развевались на ветру, оставляя за собой шлейф из сверкающих искр. Мы выглядели так, будто были вместе всегда.

— Вот, — с удовлетворением сказала она, опуская руку. — Теперь ты счастливая.

Она откинулась на подушки, её веки сомкнулись, а на лице застыла умиротворённая улыбка. А я, не в силах сдержаться, обняла её, прижав к себе это маленькое, тёплое, безгранично доброе чудо.

— Ты — лучшее, что случилось со мной за последнюю вечность, — прошептала я, целуя её в щёку, чувствуя, как её сияние мягко согревает мою кожу.

— А ты — моя няня, — пробормотала она уже почти во

сне. — И моя фиолетовая баклажанка...

Я рассмеялась. Сквозь слёзы, которые на этот раз были чистыми, очищающими. Я уложила её, укрыла и села рядом, положив руку на её спинку, чувствуя под ладонью ровное дыхание.

И впервые за долгие-долгие месяцы я почувствовала это с пугающей, оглушительной ясностью: я не одна. Это хрупкое, светящееся существо протянуло мне руку в моём личном хаосе и не просто предложило дружбу. Она, своим детским, безошибочным чутьём, подарила мне не просто утешение, а целое будущее, вписанное в стены её комнаты. И это будущее, это чувство принадлежности, было таким острым и настоящим, что терять его стало страшно.

О, эта детская, не знающая компромиссов искренность... Почему мы, взрослые, разучились быть такими же? Разучились лечить раны других, просто желая им счастья всем своим существом?

Визуализация! Иллиана)

**В этот момент дверь в детскую приоткрылась с тихим скрипом. И появилась она.

 Маленькая, хрупкая, словно сделанная из света и фарфора. Её волосы струились по плечам живым серебром, переливаясь нежным голубоватым сиянием, словно утреннее небо на рассвете. Огромные, миндалевидные глаза цвета весенней листвы с любопытством изучали**

комнату.

Глава 4

Тишина, царившая в доме, была тёплой и насыщенной, как густой мёд. Она была прервана не звуком, а скорее изменением давления. Я почувствовала возвращение Кириана ещё до того, как дверь скрипнула. Дом, этот живой, дышащий организм, встрепенулся, втянул воздух и замер в почти-тельном, усталом молчании, приветствуя своего хозяина.

Дверь открылась бесшумно, словно сам воздух расступился, чтобы пропустить его. Шаги в прихожей были тяжёлыми, вымотанными — не просто усталостью от долгого дня, а той глубокой, костной усталостью, что копится годами. В них слышалось бремя ответственности, и почему-то мне показалось, что только эльф может так уставать — с изящной, древней грустью.

Я лежала на диване в гостиной, свернувшись калачиком под старым, пахнущим лавандой пледом. Я не спала, просто отдавалась тишине, пытаюсь заглушить назойливый эхо того проклятого звонка. Образы прошлого, как назойливые мошки, кружились в голове, отравляя покой, который с таким трудом подарила мне Иллиана.

Его шаги приблизились. Он шёл по коридору, не включая свет, ведомый родительским инстинктом — проверить дочь. Но он не дошёл. Он остановился в дверях гостиной. Я чувствовала его взгляд на себе, тяжёлый и пристальный. Его ды-

хание, ровное секунду назад, стало резче, порывистее. Вовцарилась напряжённая тишина, которую взорвал его голос, громоподобный в хрупкой ночной тиши:

— Что вы делаете?!

Я вздрогнула и села, плед соскользнул с плеч. Сердце застучало где-то в горле от неожиданности и от несправедливого обвинения, которое я уже прочла в его тоне.

— Я... отдыхаю? — выдавила я, моргая от сна. — Вы так кричите, что...

— Вы должны были присматривать за ней! — прошипел он, переходя на шёпот, но от этого его слова стали лишь ядовитее. Его лицо, освещённое лунным светом из окна, было искажено гневом и... страхом. Страхом, который я не могла понять.

— Я и присматривала! — ответила я шёпотом, полным возмущения. Я встала, чтобы быть с ним на одном уровне. — Весь день! Я играла с ней, кормила её, уложила спать! В чём проблема?

— Проблема в том, что вы спите! — он сделал шаг вперёд, и его высокая фигура показалась мне вдруг угрожающей. — Вместо того чтобы бдеть рядом, вы развалились здесь! Вы даже не понимаете, насколько это безответственно! Она может проснуться, испугаться, и тогда...

— Ш-ш-ш! — я отчаянно прижала палец к губам, мои глаза расширились от ужаса. — Да заткнитесь вы! Вы её разбудите!

Он замер, сжимая кулаки. Гнев боролся в нём с многолетней родительской осторожностью.

— Она не уснёт без заклинания! — его шёпот был похож на рычание. — Я оставлял вас здесь, чтобы вы обеспечили ей безопасность, а не чтобы вы храпели на диване!

Что-то во мне ёкнуло. Ах вот в чём дело. Он не верил, что я справлюсь. Он думал, что без его магии ничего не выйдет.

— Она уснула, — выдохнула я, и в моём голосе впервые прозвучала сталь. — Без всяких заклинаний. На моих руках, под колыбельную, которую пела моя бабушка. Так что идите и посмотрите сами. Только на цыпочках. И если вы разбудите её своим рёвом, я лично найду способ превратить вас в желе и скормлю его коту. Договорились?

На его лице мелькнуло что-то помимо гнева — чистое, неподдельное неверие. Но он резко развернулся и зашагал к детской. На цыпочках. С грацией хищника, подкрадывающегося к добыче.

Я осталась стоять посреди гостиной, дрожа от выброса адреналина и обиды. Я опустила взгляд на свои руки. Пальцы были испачканы в малиновой краске — Иллиана, перед сном, решила, что мои фиолетовые волосы «уже не модны» и подарила мне новый, по её словам, «цвет клубничного варенья». Я улыбнулась, вспомнив её довольное личико. Какой бы уставшей я ни была, это того стоило.

И теперь я ждала. Ждала, когда этот надменный, уставший эльф убедится, что его дочь, его хрупкий светлячок,

спит самым безмятежным сном. Без единого магического слова. Просто потому, что ей было спокойно и хорошо. Со мной.

Хозяин дома вернулся через минуту. Дверь в гостиную приоткрылась бесшумно, и в проёме возникла его высокая, чуть ссутулившаяся фигура. Он вошёл ещё тише, чем уходил — не крадучись, а с той осторожностью, с какой несут что-то хрупкое и бесценное. Гнев в его глазах полностью угас, уступив место чистому, немому изумлению. Он смотрел на меня так, будто я только что доказала теорему о бесконечности вселенной с помощью двух палочек и верёвочки.

— Она... спит, — произнёс он, и в его шёпоте было столько потрясения, что, казалось, оно вибрирует в воздухе. Он сказал это не как констатацию факта, а как откровение.

— Удивительно, да? — не удержалась я от лёгкой ухмылки, чувствуя, как гордость теплой волной разливается по груди. Смотри-ка, всемогущий эльф повержен обычной колыбельной.

— Без заклинания? — переспросил Кириан, и его взгляд, наконец, сфокусировался на мне, по-настоящему увидев меня впервые. В нём было что-то детское, растерянное.

— Без единого магического слова, — подтвердила я, скрестив руки на груди. — Со сказкой про непослушного дракончика. С уговорами. И с одной очень старой песней. Результат, как видите, налицо. И, что важнее, на лице вашей дочери — полный покой.

— Вы... пели? — его вопрос прозвучал так, будто я призналась, что летаю по ночам.

— А что мне оставалось? Сидеть и смотреть, как она борется со сном, как заправский воин? — я пожала плечами, пытаясь говорить спокойно, хотя внутри всё ликовало. — Она говорила, что без папы не уснёт. Ну, я её за руку держала. Говорила тихим голосом. Рассказала историю, где храбрая принцесса-светлячок побеждает ночные страхи. А когда она уже успокаивалась, спела ту самую песню, что пела мне в детстве моя бабушка. Она уснула на слове «люли». Потом один раз проснулась, сказала, что от меня пахнет... домом. И снова уснула. Вот и вся магия.

Кириан замер, переваривая мои слова. Он постоял в нерешительности, затем медленно, почти церемонно, опустился на край дивана. Не рядом со мной — между нами оставалось расстояние, достаточное для целого невысказанного извинения, — но и не далеко. Он сидел, склонив голову, его длинные пальцы бессознательно теребили край мантии.

— Простите, — наконец выдохнул он, и это было не просто слово, а целая капитуляция. — Я... я был уверен, что вы не справитесь. Я думал, мне удастся хоть на день разгрести завалы в совете, зная, что она... под присмотром. Пусть и не идеальным.

— А теперь? — мягко спросила я, слегка наклонившись к нему.

— А теперь... — он поднял на меня взгляд, и в его уста-

лых глазах я увидела нечто новое — уважение, смешанное с лёгким суеверным страхом. — Я не знаю, как вы это сделали. Это больше, чем волшебство. Это... какое-то иное искусство.

— Это не искусство. Это просто забота. В моём мире так и укладывают детей. Без снотворных зелий. Только голос и руки.

Уголки его губ дрогнули в намёке на улыбку, и на мгновение он показался не могущественным графом, а просто очень уставшим мужчиной. Очень милым. Почти.

— Вы... голодны? — спросила я, чтобы разрядить накопившееся напряжение. — Я, пользуясь случаем, приготовила ужин. На всех. И, если честно, уже поела сама. Надеюсь, вы не против, что я воспользовалась вашими припасами. Если что, вычтите из моего жалованья.

— Что? — он снова выглядел ошарашенным, словно я сообщила, что приручила домашнего дракона.

— Говорю, ужин в холодильнике. И завтрак на завтра тоже готов. И обед с собой собрала. Я не знала, когда вы вернётесь и вернётесь ли вообще до утра, поэтому подумала... на всякий случай.

— Вы... приготовили мне обед? — он произнёс это так, будто речь шла о ручной выделке пергамента из шкуры единорога. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое — не радость, а скорее глубокая, давно забытая благодарность. Будто кто-то подал ему стакан воды в пустыне.

— Всё приготовила, — кивнула я. — Так что, если голодны — милости прошу на кухню. А завтра с утра не придётся метаться.

— Зачем? — его голос снова сорвался на шёпот. — Вы не должны были... Это не входит в ваши обязанности. Только присмотр за Иллианой. Всё остальное... это мои заботы.

Я посмотрела на него — на эти тени под глазами, на эту вечную готовность нести свой крест в одиночку.

— Потому что вы устали, — сказала я просто. — Потому что вы отец, который тащит на себе весь мир. И потому что, я почти уверена, вы уже и не помните, каково это — когда о вас кто-то заботится. А я... я просто не могу видеть, как кто-то тонет, и не протянуть руку. Даже если этот кто-то — высокородный эльф с манией самопожертвования.

Кириан смотрел на меня долго, вглядываясь в моё лицо, словно пытаюсь прочитать в нём ответ на какой-то давний, мучительный вопрос. Потом он медленно, как бы нехотя, кивнул, поднялся с дивана и, не сказав больше ни слова, направился на кухню. Не как граф в свои владения. А как путник, который наконец-то увидел вдалеке огонёк.

— Пойдёмте на кухню, — предложил он, и в его голосе впервые прозвучала не просто вежливость, а что-то похожее на приглашение. — Поужинаем вместе. И... расскажете, как прошёл день.

Я кивнула, поднимаясь с дивана с тихим стоном. Каждая мышца ныла от дневных битв с пиратами и пингвинами, но

это была приятная, честная усталость.

Кириан щёлкнул выключателем — и замер на пороге, словно перед ним открылась не кухня, а зал забытого дворца.

Комната сияла. Не просто была чистой — она дышала чистотой. Столешница сверкала, начищенная до зеркального блеска. Посуда аккуратными стопками выстроилась на полках. Даже вечно капающий кран теперь лишь изредка ронял сверкающую каплю в блестящую раковину. Воздух пахнет не пылью и тоской, а свежими травами и... спокойствием. Даже фартук Барс висел на своём крючке с новым, подчёркнуто прямым достоинством.

— Что... что здесь произошло? — эльф обернулся ко мне, и на его лице снова было то самое потерянное выражение, которое начинало мне уже нравиться.

— Игра, — пожала я плечами, стараясь говорить небрежно. — «Кто быстрее победит хаос». Я, честно говоря, проиграла. Ваша дочь — гениальный стратег. В самый разгар битвы за пыль на верхней полке она просто... щёлкнула пальцами. И пыли не стало. Сказала, что так честнее. Правда, пообещала, что завтра в своей комнате будет играть без магии. Обещание, конечно, сомнительное.

Кириан рассмеялся. Не сдержанно, не вежливо, а по-настоящему — низким, бархатным смехом, от которого по коже побежали мурашки. И что-то в моей груди отозвалось на этот звук тёплой, тихой радостью.

Пока он смеялся, я налила ему суп — густой, овощной,

пахнувший розмарином и чем-то ещё, что я нашла в заветной баночке с надписью «Для аромата». Но едва он протянул руку к ложке, я с притворным ужасом выхватила тарелку.

— Милорд! — воскликнула я. — Вы что, собрались есть холодный суп? Это же верх неуважения к повару!

На его лице отразилась такая комическая обида, что его уши и впрямь заметно поникли. Я поспешила поставить кастрюлю на плиту.

— Спасибо, — он откинулся на спинку стула, и в его позе появилась непривычная расслабленность. — Пока греется, расскажите? Как вы... выжили?

И я рассказала. О битвах с Пингвином-Захватчиком, о чтении книг, которые пытались сбежать, о рисовании красками, которые пахли как настоящие ягоды. И о том, как мои волосы сменили все цвета радуги по прихоти маленькой волшебницы.

— А вам... не обидно? — спросил он, и в его глазах читалось неподдельное любопытство.

— Обидно? — я фыркнула. — Да она меня сегодня сделала живым произведением искусства! Главное, чтобы ей было весело. А цвет волос — дело поправимое.

Он кивнул, и в его молчании вдруг повисло что-то важное. Он смотрел на меня так пристально, словно видел впервые.

— Испытательный срок окончен, — наконец произнёс он, и его голос приобрёл официальные, но тёплые нотки. — Место ваше, если согласны. Условия — как в объявлении, плюс

премия за... сохранность моего рассудка и чистоту на кухне. И если вам что-то понадобится для игр — краски, книги, ещё один плюшевый пингвин для изгнания — скажите. Всё будет.

— Вы уверены? — не удержалась я. — Ещё утром вы смотрели на меня как на стихийное бедствие.

— Я не уверен в завтрашнем дне, в стабильности магических потоков и в том, что смогу найти вторую пару носков, — он усмехнулся. — Но в том, что вы нужны здесь, — уверен. Так что добро пожаловать, Елизавета. В наш безумный дом.

— А комната? — спросила я, и в голосе моём прозвучала надежда, которую я уже не пыталась скрыть.

— Покажу.

Когда он доел, а я допила свой чай, он провёл меня по коридору и остановился у двери рядом с комнатой Иллианы.

— Ваши апартаменты, — он распахнул дверь с лёгким поклоном.

Я переступила порог — и застыла.

Комната была небольшой, но в ней не было ничего от казённости. Казалось, она годами ждала именно меня. Окно выходило в сад, и за стеклом качалась ветка, чьи листья медленно переливались от серебристого к нежно-золотому, словно дыша в такт всему дому.

Кровать была простой, деревянной, но с толстым, обещающим объятия Морфея матрасом. На подушках лежала

стопка свежего белья, пахнущего солнцем и лавандой. Одежда — тёплое, серо-голубое, с вышитым по краю узором, напоминающим следы дождя на стекле.

У стены стоял шкаф. Простой, деревянный, пахнущий кедром и временем. Его пустота была не пугающей, а многообещающей — словно он ждал, когда я наполню его своей историей.

А на прикроватной тумбочке стояла лампа. Не простая. Под стеклянным колпаком дремал маленький светлячок, и его ровное, медленное свечение наполняло комнату тёплым, живым светом.

Я села на край кровати, провела ладонью по шершавой ткани одеяла. Оно было именно таким, каким должно быть настоящее одеяло — тёплым, немного потрёпанным, хранящим тепло и обещающим покой. И в этой комнате, в этом доме, полном хаоса и света, я вдруг с абсолютной ясностью поняла: иногда, чтобы найти свой дом, нужно сесть не в тот поезд. И я, кажется, только что его нашла.

— Это... всё моё? — прошептала я.

Комната, пахнущая древесиной и лавандой, залитая мягким светом светлячка в лампе, казалась таким невозможным, таким хрупким даром, что слёзы сами навернулись на глаза. Не от горя — от той щемящей нежности, что возникает, когда тебе наконец-то дают место, где можно просто быть.

— Пока вы хотите здесь оставаться — да, это ваша комната, — его голос прозвучал тихо, почти бережно. Он стоял

в дверях, опершись о косяк, и в его усталой позе читалось странное облегчение.

— Спасибо, — смогла выдохнуть я, встречая его взгляд. В его глазах уже не было ни подозрительности, ни усталого раздражения — лишь тихое, выстраданное понимание.

— Приятных снов, Елизавета, — он кивнул и уже сделал шаг, чтобы уйти, но я окликнула его, внезапно вспомнив.

— Кириан.

Он обернулся, брови вопросительно поползли вверх.

— Да?

— Мой телефон... — я достала из кармана мёртвый кусок пластика и стекла. — Здесь... такое вообще работает? Или наша техника в вашем мире — просто бесполезный хлам?

Он взял у меня аппарат, повертел в длинных пальцах, изучая разбитый экран и нулевой заряд с видом учёного, рассматривающего любопытный артефакт.

— Всё в нашем мире работает, при должном подходе, — он усмехнулся, и в его глазах мелькнула тень иронии. — Вы же не первая землянка здесь. Миры... сотрудничают. Довольно давно. Просто ваше правительство предпочитает не сеять панику среди населения. Глупо, если честно.

Он щёлкнул пальцами. Легко, небрежно, как смахивают пылинку с плеча. Телефон в его руке тихо вздохнул и затрепетал. Экран вспыхнул — сначала одним процентом, потом двадцатью, и, наконец, уверенной сотней. Зелёный значок батареи сиял, как насмешливый глазок.

— Каждое утро и вечер могу подзаряжать, — сказал он, возвращая мне уже тёплый, живой гаджет. — Провести постоянное электричество сложнее, но к выходным разберусь. Всё, что должно быть у вас там... теперь там есть.

— Спасибо, — снова прошептала я, на этот раз находясь в полном, мягком ступоре. Сотрудничество миров? Магическое электричество? Мой мозг отчаянно пытался переварить эту информацию, пока я машинально принимала телефон.

Кириан в последний раз кивнул и скрылся за дверью, оставив меня наедине с внезапно ожившим кусочком прошлого.

Я опустилась на кровать, сжимая в ладонях телефон. Палец дрогнул, и я нажала на кнопку. Экран ослепил меня привычным светом.

Сеть. Полная шкала.

Wi-Fi. С паролем «Иллиана_самая_лучшая».

Интернет. Быстрый, невообразимо быстрый.

Сердце забило чаще. Первым делом я открыла мессенджер. Сообщение маме вышло коротким, но на его написание ушли минуты — я стирала и переписывала, пытаюсь найти баланс между правдой и необходимостью её не пугать.

«Мам, привет. У меня всё отлично. Нашла работу — няней в одной милой семье. Живём в маленьком городке, очень красивом. Всё необычно, но мне здесь нравится. Не жди меня пока — нужно освоиться и помочь людям, которые в меня поверили. Не переживай. Целую крепко. Люблю тебя».

Отправив сообщение, я почувствовала лёгкость. Мама бу-

дет спокойна. А я... я была свободна.

Свобода эта длилась ровно до того момента, пока память не вонзила в сознание острый клинок — звонок. Голос. «Лиза, ты где?»

Пальцы сами потянулись к истории вызовов. И там он был. Единственный входящий. Сегодня. От «Веня». Больше ничего. Ни от кого.

Внутри всё сжалось в тугую, холодный ком. Значит, не галлюцинация. Не сон. Он действительно нашёл меня. Даже здесь, за гранью его понимания, его голос сумел меня достать.

Горячая волна гнева и обиды подкатила к горлу. Я с силой нажала на имя, вызвав меню, и без колебаний тыкнула в «Заблокировать номер». Пусть теперь попробует дозвониться.

Я отшвырнула телефон на тумбочку, погасила лампу-светлячка и уткнулась лицом в подушку, которая пахла солнцем и лавандой. Всё. Точка. Здесь и сейчас — моя новая жизнь. С хаотичным домом, сияющей девочкой, уставшим эльфом, который может заряжать телефоны, и комнатой, которая наконец-то стала моей.

Завтра будет новый день. Тяжёлый, весёлый, непредсказуемый. Мне нужно выспаться. Ведь мне предстоит ухаживать за маленькой девочкой-светлячком, которая одним капризом может превратить меня в ослицу. И, знаете, от этой мысли на моих гузах в темноте расплылась улыбка.

Глава 5

Утро началось не с рассвета, а с акта психологического насилия.

Меня разбудил не звонок. Нет. Звонок был бы милосердной альтернативой. Меня подняло с постели вопиющее, откровенное издевательство.

— ВСТАВАЙ, ТУНЕЯДЕЦ! — проревел прямо над ухом чей-то хриплый, пронзительный голос. — СОЛНЦЕ УЖЕ ТРЕТЬИ СУТКИ КАТИТСЯ ПО НЕБУ, А ТЫ ВСЁ ЕЩЁ ВАЛЯЕШЬСЯ! ОПОЗДАЛА НА ВСЁ! НА СВОЁ БУДУЩЕЕ! НА ЗАВТРАК! НА ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД ДО ЦИВИЛИЗАЦИИ!

Я вскочила, сердце колотилось где-то в горле, выпрыгивая наружу. В полумраке комнаты я не сразу поняла, откуда исходит этот кошмар. Сознание, затуманенное сном, отчаянно пыталось найти логику: пожарная сигнализация? Вторжение? Конец света?

— Я встаю! — рывкнула я в пустоту, сама не понимая, перед кем отчитываюсь. Голос был таким противным — писклявым и в то же время сильным, будто его владелец годами пил кислоту и курил сухие листья.

— ВРЁШЬ! ВРЁШЬ, КАК СИДЯЧИЙ МЕШОК С КОСТЯМИ! ТЫ ДАЖЕ ГЛАЗА ПРОТЕРЕТЬ НЕ УСПЕЛА! ВСТАВАЙ, ПОКА Я ТЕБЕ НЕ УСТРОИЛ УТРО С КОН-

ЦЕРТОМ!

Мой взгляд упал на тумбочку. И я обомлела. Это был будильник. Но циферблат на нём был заменён огромной, оскаленной пастью с идеальными белыми зубами, а вместо колокольчика на макушке болтались два выпученных, невероятно живых глаза, которые с ненавистью смотрели на меня.

— ЭТО НЕ СЧИТАЕТСЯ! — завизжал он, подпрыгивая на месте от ярости. — СЕСТЬ — ЭТО НЕ ВСТАТЬ! ДУМАЕШЬ, ТЕБЕ ЗА ТВОЮ РЫЖУЮ ГОЛОВУ ДЕНЬГИ ПЛАТЯТ? ДУШ! УМЫТЬСЯ! ЗАВАРИТЬ КОФЕ! ДВИГАТЬСЯ, МЕДЛИТЕЛЬНАЯ ТВАРЬ!

Волна бессильного гнева накатила на меня. Я схватила подушку и изо всех сил швырнула её в мерзкое создание. Оно лихо увернулось, и подушка со стуком ударилась о стену.

— ФУ-У-У! — будильник вытащил из своей пасти длинный, липкий язык и с отвращением отряхнул его. — ВОТ ВСЯ ТЫ, ЗЕМЛЯНКА, ГРЯЗНАЯ ДУШОЙ И ПОСТЕЛЬНЫМИ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ!

И тогда он включил сирену. Не просто громкую, а оглушающую, ту, что используется при объявлении воздушной тревоги. Звук буквально вдавливал меня в пол, заполняя черепную коробку до отказа.

— ЛАДНО! ХОРОШО! Я ИДУ В ДУШ! — закричала я, зажимая уши ладонями и пытаюсь перекрыть этот адский гул.

Сирена мгновенно смолкла. В наступившей тишине бу-

дильник фыркнул.

— НУ, СЛАВА БОГАМ, ДОЖДАЛСЯ. А ТЕПЕРЬ ЗАМОЛЧИ, Я БУДУ ПЕТЬ!

Он снова запрыгнул на тумбочку, откашлялся и завёл совершенно чудовищную, фальшивую арию на мотив какого-то марша:

— О, УТРО, ТЫ ПРЕКРАСНО, А ТЫ, ЗЕМЛЯНКА, УЖАСНА! ВСТАВАЙ, НЕ ТО Я ЗАОРУ, ВЕДЬ Я ЖЕ БУДИЛЬНИК-ВОРЧУН! ТЯЖЕЛА МОЯ РАБОТА — БУДИТЬ ТУПЫХ ИДИОТОВ...

Он вертелся, пританцовывая на месте, и в этот момент я увидела это — маленькую, почти незаметную кнопку на его задней панели с надписью «Выкл.».

Расчёт был на внезапность. Пока он выводил свою руладу, я сделала вид, что потягиваюсь, а затем молниеносно рванулась вперёд и впилась пальцами в его корпус.

— РУКИ ПРОЧЬ, ГРЯЗНАЯ ТВА... — он не успел договорить. Я нажала кнопку.

Его глаза закатились, пасть безвольно отвисла, и он замер, превратившись в обычный, безмолвный предмет. Благословенная, божественная тишина наконец воцарилась в комнате.

Я стояла, тяжело дыша, с трясущимися руками, и смотрела на это исчадие ада. И тихо, но очень искренне, пообещала себе, что сегодня же вечером найду способ или отключить его навсегда, или договориться с Иллианой превратить его

в безобидный цветочный горшок. Никакая работа не стоила такого утреннего кошмара.

— Спасибо, — выдохнула я, всё ещё тяжело дыша. — Наконец-то ты заткнулся.

Тишина, наступившая после его воплей, была оглушительной. Мой собственный голос прозвучал непривычно громко, и я на секунду замерла, наслаждаясь этим покоем. Но долго отдыхать было нельзя — впереди был день, полный светлячковых сюрпризов.

Ни один земной будильник, даже армейский, не был столь изощрённым садистом.

Я огляделась. Комната, залитая утренним светом. За окном — сад, где листья медленно переливались от перламутрового к розоватому. Всё было на своих местах. Реальным, осязаемым и... необратимым.

— Я не сплю, — констатировала я вслух, и в голосе прозвучала лёгкая нота обречённости.

Светлячок в стеклянной лампе на тумбочке мигнул дважды — коротко и ясно, словно ставя точку в моих последних сомнениях. Никакого пробуждения в московской квартире не будет.

Поднявшись с кровати, я потянулась, чувствуя, как затекшие мышцы благодарно отзываются. На ручке двери висела аккуратная записка. Почерк был твёрдым, с лёгким наклоном:

«Душ — слева.

Красную кнопку — НЕ НАЖИМАТЬ.

Завтрак в холодильнике.

Иллиана проснётся через 20 минут после начала ваших мучений.

Барс сегодня благосклонен. Не испортите.

— К.»

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо, Кириан, — прошептала я и направилась в ванную.

Душ оказался... не просто сантехникой. Когда я повернула кран, вода не полилась, а выстроилась в идеальную, мерцающую дугу, словно её удерживала невидимая рука. Воздух в кабинке тут же сгустился, став тёплым и влажным, как дыхание тропического леса.

— Ого, — пробормотала я. — Это... приятно.

И тогда я увидела их. Три кнопки на стене. Белая. Синяя. И — зловеще пульсирующая — красная. Рядом с ней стрелка и соблазнительная надпись: «Освежающий бриз».

— Освежающий? — я скептически приподняла бровью.

— Ну, почему бы и нет?

Предупреждение Кириана прозвучало в памяти, но было уже поздно. Любопытство, этот вечный враг кошек и попандок, взяло верх.

Я нажала.

Мир перевернулся. Вернее, меня подбросило к потолку с такой силой, что я чуть не оставила вмятину на плитке. Визг

вырвался из моей груди сам по себе. Вода из «душа» превратилась в шквал ледяных игл, бьющих со всех сторон. Воздух завыл, закрутился в бешеном вихре, вырывая из рук мыло и мочалку. Дверь душевой с грохотом захлопнулась — но не до конца, будто сам дом хохотал, наблюдая за этим бедламом.

— **ВЫКЛЮЧИТЕ! РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, КАК ЭТО ВЫКЛЮЧИТЬ?** — завопила я, беспомощно барахтаясь в эпицентре этого стихийного бедствия. Потолок стремительно приближался. Мысли путались:

«Я сейчас пробью крышу и полечу в стратосферу!»

«Интересно, страховка покрывает смерть в волшебном душе?»

«За что?!»

Внезапно в щель под дверью просунулась маленькая ручка с сияющими ноготками. Сердце упало.

— Я помогу! — донёсся звонкий голосок Иллианы.

Ужас сменился паникой. Она же ребёнок! Этот ураган её швырнёт, как перышко!

— Иллиана, **НЕЛЬЗЯ! НЕ ВХОДИ!** — закричала я, из последних сил пытаюсь схватиться за что-то.

Но дети — существа, для которых слово «нельзя» является не запретом, а приглашением к действию. Дверь со скрипом отворилась, пропуская внутрь маленькую фигурку в пижаме с единорогами. Иллиана стояла на пороге, её только что разбуженные волосы светились мягким золотым сияни-

ом, а на лице расцветала удивлённая улыбка.

— Ой! — воскликнула она, глядя на меня, беспомощно трепыхающуюся под потолком. — Ты играешь в летучую мышь?

В её глазах не было ни страха, ни удивления — лишь живой, неподдельный интерес к новой забаве. Казалось, для неё ураган в ванной был таким же обыденным явлением, как для земного ребёнка — дождь за окном.

— О, как весело! — просияла Иллиана, наблюдая, как я, словно воздушный шарик, безуспешно пытаюсь доплыть до злополучной красной кнопки.

— Это НЕ весело! — взывала я, захлёбываясь розовой водой с привкусом клубники. — Позови па...

Но она уже действовала.

— А я нажму другую кнопку! — объявила она, делая решительный шаг вперёд.

— НЕТ! НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙ! — мой крик, казалось, мог разбить стекло. Сердце бешено колотилось от ужаса: а вдруг следующая кнопка включит режим «полная гравитационная невесомость» или «кипящая лава»?

Но её маленький палец уже лег на синюю кнопку.

Ветер стих так же внезапно, как и начался, мягко опуская меня на пол. Вода из ледяных игл превратилась в тёплые бархатные струи, но теперь она была ярко-розовой и пахла, как кондитерская фабрика. И самое сюрреалистичное — кафельная плитка под ногами плавно закружилась в медлен-

ном, задумчивом вальсе.

— Ну вот, — с удовлетворением констатировала Иллиана.
— Теперь хорошо.

Я стояла, обливаясь розовой водой, чувствуя себя абсолютно разбитой, но невероятно живой. Вид у меня, наверное, был как у мокрой кошки, которую только что вытащили из стиральной машины.

— Да, — выдавила я, пытаюсь придать своему голосу бодрости и улыбнуться. Она ждала похвалы, и я не могла её не дать. — Теперь идеально. Ты меня спасла.

Спустя двадцать минут я вышла на кухню. Волосы, всё ещё отдающие нежным розоватым оттенком, были мокрыми, зато я была в чистой одежде и благоухала, как клубничный торт. Главный вывод утра был твёрд и непоколебим: никогда больше не нажимать красные кнопки. И слушать советы тех, кто знает этот мир лучше.

Кириан сидел за столом, уткнувшись в книгу с замысловатым названием. Его серебристые волосы, собранные в низкий хвост, сегодня выглядели почти цивилизованно. Видимо, Иллиана ещё не добралась до своего папы, отвлечённая операцией «Спасение утопающей няни».

— Выжили? — спросил он, не отрываясь от чтения. Совершенно будничным тоном, словно интересовался прогнозом погоды.

— Чуть не эмигрировала в соседнее измерение через душевую кабину, — ответила я, в то время как Иллиана, уце-

пившись мне за ногу, выкрикивала: «Я — воительница! Победительница водоворотов!»

— Я ведь предупреждал насчёт красной кнопки, — на его губах дрогнул почти незаметный намёк на улыбку. Мне почему-то показалось, что он едва сдерживает смех.

— А за что отвечает синяя? — поинтересовалась я, на всякий случай, чтобы больше не искушать судьбу.

— «Романтическое настроение», — ответил он, наконец перевернув страницу. Хотя мне показалось, что он просто делал вид, что читает. — Включают для создания особой атмосферы.

— Понятно. В следующий раз подготовлю вечернее платье и свечи. Для полного погружения.

На этот раз он не сдержался — уголки его глаз чуть заметно сморщились. Прогресс.

— Вы... уже завтракали? — спросил он, снова делая вид, что погружён в книгу.

— Я только что вышла из водоворота, — напомнила я, направляясь к холодильнику. Я ведь с вечера приготовила завтрак, но, судя по пустоте, его уже успели уничтожить.

— Тогда присаживайтесь. Я приготовил, — он отложил книгу и посмотрел на меня прямо.

Я замерла на полпути.

Он приготовил?

Слово «завтрак» в исполнении Кириана звучало так же невероятно, как «летающий единорог». Это было из чувства

вины? Или потому, что съел мой вчерашний ужин? А может...

В памяти всплыли годы с бывшим, где утренняя яичница была исключительно моей обязанностью. Мысль о том, что кто-то может приготовить завтрак для меня, была настолько чужой и неожиданной, что вызвала лёгкий ступор.

— Вы? — вырвалось у меня, и я заморгала, пытаюсь сфокусироваться на его лице в поисках подвоха. Это была шутка? Или очередной магический тест на прочность?

— Да, — подтвердил он, и в уголках его глаз заплясали загадочные морщинки. — Овсянка. Надеюсь, получилось съедобно.

— Вы умеете готовить? — не унималась я, чувствуя себя так, будто наблюдаю за редким природным явлением.

— Я — отец-одиночка, — он скептически поднял бровь. Не хватало только, чтобы он еще и глаза закатил, для поддержания образа. — Пришлось научиться. Выбора, как вы понимаете, не было.

Он снова сделал вид, что погрузился в книгу, но я заметила, как его губы дрогнули.

— А Барс? — я обвела рукой кухню, указывая на всё сразу. — Разве это не его священная обязанность?

— Сегодня у него выходной, — Кириан так же неопределённо махнул рукой. — У духов бывают такие дни. Заставлять его работать было бы невежливо и... чревато последствиями. Мало ли что ему в голову взбредёт — может, ре-

шит, что овсянка должна быть со вкусом сапога.

— Спасибо, что пощадили мои вкусовые рецепторы, — рассмеялась я, искренне надеясь, что Барс не воспримет это как намёк на свою некомпетентность.

В этот момент чайник на плите дёрнулся, словно его ударило током. Он засеменил по конфорке, дополз до края, с грохотом прыгнул на пол и юркнул в щель под шкафом.

— Э-э-э... Барс? — растерянно протянула я, глядя на исчезнувший чайник.

Кириан тяжело вздохнул и принялся массировать переносицу.

— Он обиделся. Духи кухни ревнивы. Они не терпят, когда их заменяют. Особенно если намекнуть, что они «не нужны».

— Но я же его похвалила! — возмутилась я, уже опускаясь на колени в тщетной попытке заглянуть под шкаф.

— Он услышал «спасибо, что не мешал», — пояснил Кириан, наблюдая, как я ползаю по полу. Рядом со мной присела Иллиана, с любопытством заглядывая в ту же щель.

— Я имела в виду, что все заслуживают отдыха! Возвращайся с новыми силами! — прокричала я в щель, чувствуя себя полной идиоткой, но понимая, что иного выхода нет.

— Он не понимает сарказма, — покачал головой Кириан. — Духи... очень буквальные. И ранимы.

— А кто они вообще такие? — спросила я, продолжая поиски. — Они... когда-то были людьми?

Кириан рассмеялся — тихо, но искренне. Его книга окончательно забыта.

— Нет, что вы! Они рождаются из энергии места. Бродят по миру в поисках дома. Сильные становятся хранителями лесов или городов. Слабые — как Барс или наши дверные ручки — находят пристанище в домах. Я их приютил... потому что было жаль. Да и Иллиане они нравятся.

Я вздохнула, осознавая, как легко здесь можно совершить фатальный промах. Обидеть духа — плевое дело.

— Прости, Барс! — снова крикнула я в щель, вкладывая в голос всю возможную искренность. — Ты — лучший хранитель кухни на всём белом свете! Без тебя я тут и минуты не продержусь!

Наступила тишина. Затем из-под шкафа медленно выкатилась блестящая ручка. Чайник покачивался на месте, словно колеблясь. Потом решительно выкатился, запрыгнул на плиту и с лёгким щелчком включил конфорку. Мир был восстановлен.

Когда буря утихла, мы наконец сели завтракать. Иллиана устроилась между нами, и её сияние, казалось, делало безвкусную на вид овсянку волшебным нектаром. Я ловила себя на мысли, что уговариваю её съесть ещё одну ложку с непривычным чувством тепла в груди. Это уже не было просто работой. Это становилось чем-то большим.

— Лиза, ты пахнешь клубникой! — объявила Иллиана, уворачиваясь от очередной ложки овсянки. Её нос сморщил-

ся от нового, но явно приятного для неё аромата.

— Это мой новый парфюм, — с пафосом ответила я, поймав момент и всё же запахнув ложку в приоткрытый от удивления ротик. — Называется «Ураган с нотками романтики». Очень эксклюзивно.

— А можно мне такой же? Я тоже хочу пахнуть, как клубничный торт! — воскликнула она и, увлечшись мечтой, автоматически проглотила ещё одну порцию.

— Только если дашь честное слово никогда не нажимать красную кнопку, — строго сказала я, с содроганием вспоминая утренний полёт.

— Обещаю! Клянусь своим сиянием! — она так энергично кивнула, что светящиеся пряди заплясали у неё над головой.

— Тогда договорились. После завтрака. Но сначала дай и мне доесть, я ведь тоже хочу расти большой и сильной, как ты.

Кириан наблюдал за нашей сценой молча. Его взгляд скользнул по моим влажным, всё ещё отливающим розовым волосам, по чашке с чаем, которую он налил и поставил передо мной, по лицу его дочери, сияющему от предвкушения.

— Пожалуй, мне пора, — сказал он, отодвигая стул. Книга исчезла в складках его мантии. — Сегодня совет затянется. Я буду поздно. Присмотрите за ней. И если что-то случится... вы знаете, как меня найти.

— Не волнуйтесь, — кивнула я, и в этот момент наш

взгляды встретились. В его глазах я прочла не просто просьбу работодателя, а тихую, почти неуловимую надежду. — Мы справимся.

Дверь за ним закрылась, и мы остались одни — я и маленький ураган в пижаме с единорогами.

— Ну что, командир, — объявила я, хлопая себя по коленям. — Первое задание на сегодня — гигиеническая операция в ванне «Клубничная пена»!

— С пеной? — её глазки расширились от любопытства. — Это как?

— О, это нечто волшебное! — вставая, я сделала таинственное лицо. — Это как облако, которое обнимает тебя, пахнет конфетами и умеет превращаться в дракона или корону! Идём, я покажу!

Иллиана с визгом бросилась к ванной, подпрыгивая на ходу и постоянно оборачиваясь, чтобы поманить меня. Я шла следом, и на душе было и светло, и тревожно одновременно. Светло — от этой детской безудержной радости. Тревожно — от осознания, что я осталась с ней один на один на целый день.

Но сквозь эту тревогу пробивалось и другое чувство — твёрдой уверенности. У меня есть крыша над головой, работа, которую я, кажется, начинаю любить, и даже магический интернет, чтобы быть на связи с мамой. А что до Вени... Мысль о нём больше не вызывала острой боли, лишь лёгкую, усталую горечь. Он — в прошлом. А прошлое, как

тот утренний ураган в душе, осталось позади.

Я стояла на пороге ванной, глядя, как Иллиана с восторгом тыкает пальчиком в кран, и понимала: моё бегство привело меня не в никуда. Оно привело меня именно сюда. В этот безумный, непредсказуемый и по-своему прекрасный дом, где я, наконец, могу начать всё сначала. И пусть это «сначала» пахнет клубникой и сопровождается криками восторга — это моё новое начало. И я готова его принять.

Глава 6

День прошел быстро. Впрочем, с детьми по-другому бывает? Мы целый день играли, и я даже научила светлячка рисовать лисичку, которую она потом сама же и раскрашивала. Надо, кстати, Кириану сказать, чтобы еще красок купил, а то закончились. Мы же сегодня еще и в ванне раскрашивали стены, ведь так веселее! А потом все смывали.

Ночью Иллиана не особо хотела засыпать, все уговаривала меня дождаться папу. Однако я была строга: солнце село, а значит и ей пора закрывать глазки. И на фон включила шум дождя. Когда светлячок почти уснула. Она снова попросила рассказать ей сказки. Местных я не знала. Так что слушала она сказку про колобка, а еще про волка и семерых козлят. И под конец новая песенка: «пят усталые игрушки».

Еще на середине девочка уснула, и я вышла из ее комнаты. Сначала намеревалась идти отдыхать и спать, однако я не могла так сделать. Хозяин дома еще не пришел, и пусть я не очень волнуюсь за мага, тем не менее считала. Что буду его ждать. Просто потому, что считала, что раз я могу это сделать, о сделаю.

Его не было долго. Я даже успела прибраться в ванной, еще раз, и в общей гостиной, метлой стараясь залезть во все щели и убрать всю пыль. И собиралась сегодня спросить разрешения об уборке в других комнатах. Ведь уборку в детской

мы сегодня сделали совместно, Иллиана была почти честной, и применила магию только один раз! И то, когда решила протереть полки в своем шкафу, и вещи сами вылезли, а пыль исчезла. А потом все так же аккуратно сложилось, и дверь шкафа закрылась.

Когда я уже откровенно устала ждать, я пошла на кухню. То ли чтобы попить чай. То ли чтобы просто что-то сделать, чтобы не сидеть и не скучать.

Я взяла с плиты чайник, и стала наливать туда воду. Однако, ничего не вышло, так как вода не пошла. Просто висела в воздухе, как будто кто-то нажал паузу.

— Барс? — позвала я, понимая, кому стало скучно, и почему именно вода не течет.

Вот интересно, я уже привыкла к этому? Или еще нет? И почему так спокойно отношусь ко всему волшебному? Ведь я даже от удивления рот не раскрыла, когда Иллиана сегодня магичила.

Наверное, это из-за возраста. Устала просто удивляться всему подряд.

Чайник фыркнул, и струя пошла, да такая чистая, что я даже улыбнулась.

— Спасибо, — сказала я, и погладила плиту.

Чайник в этот момент закрутился на конфорке, как будто кивнул. Я же набрала воду и поставила чайник на конфорку. Зажгла огонь, который загорелся с первого раза. Спасибо барсу. И в ожидании, когда же будет мне горячий кипяточек

посмотрела туда, куда еще руки не дошли. На саую верхнюю полку. И увидела его.

Там, где пыль лежит, как снег, куда никто не заглядывает, где прячут то, что слишком ценное, или слишком болезненное. Да, я там увидела вино.

Тёмное стекло. Не гладкое. Шероховатое, как будто его выточили вручную. На этикетке — вырезано: «Лунный отжим. 112 год». А под ней — строки, написанные тонким, аккуратным почерком: «Открыть, когда будет стоять». Ни имени. Ни даты. Только это.

Я посмотрела на дверь. Никого. Только тишина. Только дом, который, кажется, перестал дышать, так как я нашла что-то личное графа Кириана.

Я встала на цыпочки. Рука дрожала. Не от высоты. От ощущения, что я вторгаюсь в чужую боль, в чужое обещание. Пальцы коснулись холодного стекла.

Я медленно сняла бутылку. Она была тяжёлой. Не от веса. От всего, что в ней хранилось.

Я понимала, что верну ее скоро обратно, так как это не мое горе, и открывать это должна не я. Но любопытство овладело мной, так что я поставила её на стол. Поставила так, будто боялась разбудить. Стояла и смотрела. Не как на вино. Как на послание. Как на дверь, за которой — кто-то, кого я ещё не знаю.

— Что это? — прошептала я. Никто не ответил. Даже Барс никак не проявился.

Но я знала: это — не просто напиток. Это — надежда, которую спрятали,

чтобы она не испарилась от одиночества. Или же здесь запечатали горе. С этим вином наверняка связана какая-то история, которую я бы хотела узнать, и в тоже время нет.

Я провела пальцем по надписи.

— «Когда будет стоять».

Я улыбнулась, маленькой, дрожащей улыбкой.

— Ну что ж, — сказала я. — Я стою.

И в этот момент — дверь открылась. От испуга я чуть не задела бутылку, однако вовремя себя остановила. И когда это граф успел вернуться? Только что же слушала, и точно знаю, что никого не было.

— Лиза?

Я обернулась. Кириан стоял в дверях. Плащ на плече. Глаза — уставшие, что не удивительно, ведь он ведь день проработал. И я видела в них — что-то новое. словно лёгкость. Как будто он снял с плеч мешок, который таскал годами.

Он увидел бутылку. Посмотрел на меня. Не сердито, скорее удивленно, и чуть заметно — с облегчением. Я обрадовалась этому. Значит, казнить не будут.

— Что вы делаете с моим вином? — Спросил Кириан.

Я не отвела взгляд. Но пальцы сжали бутылку чуть сильнее. Черт, ну и что он сейчас обо мне подумает? Кошмар. Наверное думает, что воровка.

— Я... не украла, — сказала я, и сжала губы в тонкую

линию, и старалась выглядеть честной и невинной. Я ведь и правда не собиралась его красть.

Эльф почти улыбнулся. Но улыбка не добралась до глаз. Там — какое-то воспоминание. Что-то старое и глубокое.

— Я не думал, что вы украдёте, — сказал он тихо, и наконец пошевелился.

Подошёл не спеша, повесил плащ на спинку стула. Снял перевязь с книгами. Каждое движение — как будто он подготавливался к разговору, которого боялся год.

Он встал рядом. Не слишком близко. Но и не далеко. На расстоянии, с которого можно не касаясь, почувствовать тепло. Посмотрел на бутылку. Провёл пальцем по надписи: «Когда будет стоять». Его рука дрогнула, всего на мгновение. Как будто он коснулся не стекла, а себя самого. И какая-то грусть появилась в глазах.

— Я его прятал, — сказал он, проводя уже по горлышку бутылки.

— Я заметила. — Я позволила себе слабую улыбку, так как поняла: обвинять в чем-либо и выгонять меня не станут.

— Думал — не наступит этот день. — Мужчина явно витал в своих не самых радостных воспоминаниях, так как на меня совсем не смотрел.

— А он наступил? — Уточнила я, и даже улыбнулась еще смелее.

Мужчина посмотрел на меня. Не как на няню. Не как на служашую. Как на человека, который видит его боль, и все

понимает.

— Я сегодня закрыл дело до заката, — сказал он, после минуты раздумий. Словно искал повод открыть вино.

— Это и есть повод? — Я уже поняла: сейчас будем пить. А эльфу нужен повод, чтобы открыть это вино с воспоминаниями.

— Это... начало. Больше не буду пропадать. — Эльф чловно очнулся, и сейчас вернулся в реальность, где общался со мной.

— Иллиана будет рада. — Заметила я, так как только сегодня у нас был разговор о работе папы, на которую тот уходит, и возвращается, когда Иллиана уже спит. Она скучала.

— Я — тоже, — прошептал он. И в этом «я» было больше, чем в десяти признаниях. — Наконец буду приходит вовремя, и проводить вечера с дочкой. Я старался, как мог, чтобы разобрать завал на работе, и благодаря вам это получилось.

Я молчала. Смотрела на него. На его уставшие глаза. На хвост, собранный кое-как, хотя утром я видела: хвост был почти даже приличным. На пятно на рубашке, которое он не заметил. На руку, держащую бутылку, как будто это было последнее, что осталось от кого-то, кого он любил.

— Тогда, может... откроем? — сказала я.

Он замер, явно задумавшись, а потом кивнул.

— Да.

Но не сразу. Сначала он поставил бутылку на стол. Завер-

нул рукава на рубашке, как будто собирался не пить, а делать что-то важное. Кириан открыл ящик. Достал нож. Не магический. Простой. С деревянной ручкой. Как будто он открывал им не одну бутылку, однако сейчас он делал что-то особенное.

Я стояла. Руки — в карманах. Сердце — в горле. Не от волнения. От ощущения, что я стою рядом с чем-то священным.

Он воткнул нож в пробку. Медленно. Аккуратно. Каждое движение — как ритуал. Потом — потянул. Пробка вышла с тихим звуком. Как будто вино вздохнуло после долгого молчания.

Эльф налил в два стакана. Не до краёв. Сдержался. Как будто боялся, что слишком много — и всё разрушится.

Стаканы — простые. Трещина на одном. Он поставил передо мной тот, что целый. Я ничего не сказала, хотя от такого внимания к мелочам было приятным. Просто взяла стакан в руки. Пальцы коснулись стекла. Тёплого. Как будто оно ждало, когда это сделают, и подготовилось.

— За что пьём? — спросил Кириан, с и вопросительно посмотрел на меня.

Я посмотрела в стакан. Вино — тёмное, почти чёрное. Отражает свет, как вода в лесу ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.